

Новая Польша 1/2016

0: Не так уж мы равны, как нам казалось

В Польше пропасть между богатыми и бедными гораздо больше, чем кажется. А имущественное расслоение вдвое больше, нежели расслоение по доходам, — следует из отчета Национального банка Польши.

О том, насколько велика пропасть, отделяющая богатых и сытых от бедных и голодных, сегодня говорится все чаще. И чего никогда до сих пор не было, мировые авторитеты (во главе с директором-распорядителем Международного валютного фонда Кристин Лагард) подчеркивают, что существующее расслоение слишком велико и ни к чему хорошему это не приведет. Растущее равенство способствует лучшему, более прочному и продолжительному экономическому росту.

Имущество среднестатистического Ковальского

До сих пор в Польше не заламывали рук и не сетовали по поводу наблюдаемого уровня неравенства, так как все доступные данные указывали, что эта проблема нас особо не касается. Из-за социалистического прошлого мы не обзавелись крупными состояниями, поместьями или имуществом, которые бы передавались из поколения в поколение, а система обучения, отлично действовавшая все это время, не препятствовала выпускникам публичных высших учебных заведений претендовать на самые привлекательные должности и добиваться их. Однако новейшие исследования Национального банка Польши (НБП) представляют указанную проблему в новом свете. Дело в том, что банк включил в состав анкетированной выборки большее, чем обычно, количество самых богатых граждан. Экономисты НБП проанализировали также не только наши доходы (как это делалось до сих пор), но еще и наше имущество (что важно отметить, на основании данных представленных самими владельцами).

Богаты ли мы? Не особенно. Среднее польское домашнее хозяйство располагает имуществом, стоимость которого составляет 257 тыс. злотых. Причем «среднее» означает, что половина остальных хозяйств беднее, а вторая половина богаче его (в статистике это называется медиана). «Для чистой стоимости имущества решающую роль играли в первую очередь материально-вещественные активы, накопленные данным домашним хозяйством, прежде всего это стоимость основного места жительства (в среднем 282,6 тыс. зл.), а также объем имущества, являющегося следствием ведения хозяйственно-экономической деятельности (в среднем 219,7 тыс. зл.). Финансовые активы имели в процессе аккумуляции имущества гораздо меньшее значение (в среднем они составляли 8,6 тыс. зл.)», — читаем мы в сводном документе НБП.

Наверно, у многих тут же мелькнула мысль, что все эти апартаменты, квартиры и холостяцкие однушки в охраняемых кварталах или микрорайонах — это никакое не имущество, ведь покупалось указанное жилье в долг, и пока что его владельцем в преобладающей части является какой-нибудь банк. НБП изучил и этот аспект. Оказалось, что почти три четверти поляков располагают собственным жильем, и лишь 12% сражаются с ипотечным кредитом.

Имущество в руках богатей

Для нужд данного исследования НБП подсчитал так называемое нетто-имущество. Иными словами, из стоимости располагаемой собственности вычитаются обязательства перед банками, кредиты в различных банковских картах, краткосрочные займы из ссудной кассы взаимопомощи по месту работы, а также покупки в кредит.

Оказалось, что среди самых бедных лишь очень небольшая часть обладает собственной квартирой. Нет у них также и никакого другого имущества. Зато имеются кредиты. Из расчетов НБП следует, что у 10% самых бедных семей нетто-имущество не превышает 2 тыс. злотых. А если сложить нетто-имущество всех таких семей, то

окажется, что итог отрицателен — стоимость кредитов превосходит стоимость квартир или автомобилей на целых 3,6 млрд злотых!

На противоположном конце общественной лестницы находится 10% самых богатых, среднее имущество которых оценивается как минимум в 879 тыс. злотых. В общей сложности они накопили чуть ли не 2,3 триллиона злотых. Однако, чтобы принадлежать к супербогачам 1% общества, необходимо обладать имуществом, которое стоит аж 2,8 млн злотых.

Лучше живется лицам, проживающим в деревне (это каждая третья семья), хотя не все они фермеры, среди них могут быть также владельцы коттеджей, усадеб или имений, расположенных неподалеку от крупных городов. Статистически богаче самозанятые граждане (они включают в состав своего имущества также то, которое связано с осуществляемой ими деятельностью). Причем именно в деревне чаще оказывается сконцентрированным имущество фирмы, да и больше семей живет в собственных домах. «Но вот если сопоставлять неравенство между бедными и богатыми в деревне с разницей между бедными и богатыми в городе, то ситуации вполне сопоставимы», — говорит Петр Баньбула из НБП.

Польша не столь уж равная?

До сего времени мы в Польше внимательнее присматривались к расслоению доходов (сколько мы зарабатываем), а не имущества (сколько мы имеем). Из статистических данных Евростата вытекает, что в нашей стране размах этого расслоения, остается умеренным. Коэффициент Джини, статистически оценивающий степень расслоения общества конкретной страны или региона по отношению к какому-либо изучаемому признаку, составляет у нас около 0,31 (если бы все в стране зарабатывали одинаково, то данный коэффициент равнялся бы нулю; чем он выше, тем больше неравенство). Именно таков средний показатель по ЕС; похоже обстоят дела в Великобритании или Германии. Но НБП говорит, что эти результаты — заниженные. Причем по той причине, что анкетерам трудно добраться до местных крезов, отечественных обладателей несметных богатств. Специалисты по статистике осознавали указанное обстоятельство, но предполагали, что в каждой стране богачи характеризуются похожей неприступностью, а посему и ошибка измерения тоже похожа.

В центральном банке Польши пошли дальше: приняли решение набрать значительно большую случайную выборку состоятельных граждан (тем самым в проводившемся исследовании их представительство оказалось избыточным), руководствуясь при этом, в частности, данными о тех поветах, где платятся самые высокие суммы индивидуального подоходного налога, взимаемого с физических лиц, а также данными всеобщей переписи населения о том, где находятся самые просторные квартиры. Когда коэффициент Джини подсчитали на основании данных, собранных таким способом, то оказалось, что он составляет уже не 0,31, но 0,38. «Масштаб неравенства в Польше, по всей вероятности, больше, чем следует из результатов базового исследования», — добавили эксперты из НБП.

Но в таком случае каким же образом распределяется это наше богатство? На долю одной десятой наиболее обеспеченных домашних хозяйств достается 23% доходов, тогда как доходы одной пятой самых бедных хозяйств составляют всего лишь 7% от общей доходной массы в Польше.

Имущество сконцентрировано заметно сильнее доходов. Ведь коэффициент Джини, рассчитанный применительно к тому, чем мы владеем, составляет уже целых 0,58. Десять процентов наиболее богатых семей владеют 37% суммарного нетто-имущества (иначе говоря, остающегося после вычитания всей задолженности). В свою очередь, у одной пятой самых бедных домашних хозяйств их нетто-имущество составляет лишь 1% суммарного нетто-имущества всех польских хозяйств.

«Показатели имущественного неравенства всегда выше, чем неравенства по доходам. Но они могут оказаться никак не связанными между собой. Возьмем хотя бы Швецию, где люди зарабатывают примерно одинаковые суммы, но существуют аристократические династии, которые накапливали ценности, блага и поместья на протяжении многих поколений. Впрочем, в Польше тоже можно получать маленькую пенсию, но жить в стометровой квартире в престижном доме в самом центре города», — говорит Михал Бжезинский, экономист из Варшавского университета, занимающийся проблематикой неравенства.

«Некоторые исследования показывают, что, чем выше показатели неравенства в обществе, тем ниже темп роста ВВП. Контролировать уровень неравенства можно с помощью разнообразных имущественных налогов (в том числе кадастрового налога, когда налог на имущество физических лиц исчисляется, исходя из его кадастровой стоимости), а также посредством налога на наследство (в Польше он отменен). Поскольку я принадлежу к числу

сторонников редистрибуции, имущественное расслоение в нашей стране меня не беспокоит», — добавляет Михал Бжезинский.

Бедная Польша в Европе

А как мы выглядим на фоне Европы? В зоне евро на самый богатый слой общества (10%) приходится половина имущества, а в США — даже 84%. Причем настоящие показатели разницы между Европой и Соединенными Штатами на самом деле меньше, поскольку в Америке умеют лучше собирать данные, касающиеся богачей.

Европейский коэффициент Джини для имущества равняется 0,68. «Похожие на Польшу показатели имущественного разброса наблюдаются в таких странах, как Греция (0,56), Словения (0,53) или же Словакия (0,45), а вот самые значительные уровни неравенства имеют место в Германии и Австрии (0,76), а также на Кипре (0,7)», — таковы результаты, приводимые НБП.

Любопытный случай представляет собой Германия, где стоимость имущества у средней семьи оказывается — вот так чудо! — ниже, чем у польской (51 тыс. евро по сравнению с 61 тыс. евро в Польше). Это происходит потому, что у наших западных соседей менее половины семей (44%) проживает в собственной квартире, — по крайней мере, так объясняет эти данные центральный банк. Именно по этой причине показатели имущественного неравенства оказываются в Германии столь гигантскими — квартиры, которые арендуют рядовые немцы, являются собственностью узкой группы самых богатых жителей этой страны.

1: Круги перевода

«Суть работы добросовестного переводчика — постараться, чтобы то, что он переводит, звучало так, будто это написал сам автор, зная язык, на который его произведение нужно перевести». О работе над переводами Солженицына, Мандельштама и Бабея рассказывает Ежи Помяновский.

Ежи Помяновский перевел для Литературного института «В круге первом» и «Архипелаг ГУЛАг» Александра Солженицына, книгу Михаила Геллера «Концентрационный мир и советская литература», сборник текстов Андрея Сахарова «Моя страна и мир», а также ряд текстов, опубликованных в парижской «Культуре». Он является автором программных статей, первая из которых — возмущившая консервативные круги белой эмиграции — была написана в 1970 году для русскоязычного номера «Культуры». Его тексты последних лет существования «Культуры» касались политической ситуации в России, развивающейся на наших глазах.

Проблема перевода не сводится к техническим вопросам. Именно от умения переводчика в значительной степени зависело, найдет ли текст своего читателя, какие вызовет реакции. Для проекта такого масштаба, как польско-российское примирение, Гедройцу нередко не хватало квалифицированных переводчиков, а он, хорошо зная русский язык, был весьма требовательным. Поэтому столь важной оказалась его встреча с Ежи Помяновским.

Приведенное ниже интервью войдет в сборник «В поисках утраченной солидарности», это будет первый том из серии «Русская литература в кругу “Культуры”», который под редакцией Петра Мицнера выйдет в 2016 году. Издателями тома являются Институт книги и издательство Университета им. кардинала Стефана Вышинского в Варшаве.

***

— Нам хотелось бы начать с вашего перевода Александра Солженицына. Как, собственно, сложилось, что вы стали его переводчиком?

— В 1968 году, после «Дзядов»^{В 1968 г., после запрета театральной постановки «Дзядов» А. Мицкевича, в Польше произошли студенческие волнения, на которые власти ПНР отреагировали масштабной антисемитской кампанией.}, издательства разорвали со мной отношения и расторгли договоры, которые уже были заключены. Я остался не только без работы, но и без возможности публиковаться и печататься. Тогда во Флоренции проводились международные фестивали, и я был одним из нескольких критиков, входивших в их руководство. Итальянцы вытащили меня, выдумали, что я необходим во Флоренции, в дирекции международных театральных фестивалей. Гедройц сразу же прислал Густава Герлинга, вначале с рукописными еще фрагментами из Солженицына. Лишь потом я получил машинописный экземпляр первых печатных листов.

— У вас были какие-то проблемы с переводом Солженицына?

— Это была каторга, но и невероятно поучительный опыт для меня. Я работал, как пулемет. Под давлением сроков, так как одновременно каждая страница передавалась по радио «Свободная Европа». Однако гораздо больше проблем было у итальянцев, даже с самим названием: «В круге первом». Ведь речь идет о дантовском лимбе, то есть о том первом круге, где находятся осужденные, которых больше некуда было поместить, просто потому, что они еще не могли стать христианами. Итак, там сидят Платон с Сократом, Еврипид с Эсхилом, Вергилий. Именно последний водил Данте по всем кругам ада, начиная как раз с лимба — с первого круга. Поэтому книга так и названа: «В круге первом», что по-итальянски должно звучать „Limbo”, а не „Il primo cerchio”, но итальянцы намеренно неправильно перевели Солженицына, и поэтому в Италии иначе сложилась судьба левого движения, не так, как во Франции. Половина моих знакомых французских коммунистов на вопрос, почему они перестали быть коммунистами, отвечали: «Ну как же? Прочитал «Архипелаг». Он был хорошо переведен на французский и распространялся не через партийную сеть. Итальянцы поступили намного хитрее. Солженицын вышел тиражом издательства «Эйнауди», где постарались перевести как можно лучше, но Джулио Эйнауди, симпатизировавший коммунистической партии, постарался, чтобы перевод и романа «В круге первом», и особенно «Архипелага» не дошел до широкой публики. Он выпустил их в красивой твердой обложке, за большие деньги, купить это можно было только в книжных магазинах, принадлежавших издательству «Эйнауди» либо связанных с ним.

— Это имело существенное влияние на восприятие Солженицына в Италии?

— К сожалению, да. Книга не разошлась, а даже там, где разошлась, была сочтена пасквилем, потому что вся пресса и большая часть преподавателей в Италии — леваки. Очень благородные, так как не ощутили вкуса настоящей власти. Я весьма сожалею об этом, ведь я не только очень люблю Италию, но и считаю ее во многих отношениях страной-лабораторией для Польши.

— А как, собственно, выглядела ваша ежедневная переводческая работа?

— Ну примерно так: мы вставали в десять, жена садилась за пишущую машинку. Это была знаменитая «Эрика» — та, что «берет четыре копии». Как в песне у Александра Галича: «“Эрика” берет четыре копии»^{Цитата из песни Александра Галича «Мы не хуже Горация».} Аллюзия на перепечатывание текстов в самиздате — *Примеч. авт.* Итак, я сажал жену и диктовал ей а prima vista^{A prima vista (итал. — буквально «с первого взгляда») — музыкальный термин, означающий «с листа»} — *Примеч. пер.* с очередных листов, которые присылал мне Гедройц, чаще всего через Густава Герлинга. С этих записей я диктовал часов шесть. В четыре-пять пополудни я просил жену оторваться от моего диктанта и прилечь отдохнуть, а сам садился править или писать. Около восьми вечера я поднимал ее с постели, сажал за машинку, и она опять, протирая глаза, наново перепечатывала поправленные страницы. Занималась она этим до одиннадцати, иногда до двенадцати. Тогда мы ложились спать. А в восемь утра я уже был на вокзале с конвертом, опечатанным сургучной персидской печатью с именем Аллаха. Такую каллиграфию трудно подделать. В восемь это уходило в Париж, где на вокзале конверт встречали либо Зигмунт Герц, либо его жена Зося. Текст был подписан именем Михала Канёвского — персонажа из романа Станислава Бжозовского «Пламя», а еще этот псевдоним я выбрал потому, что мой отец, член ПОВ^{ПОВ — Польская военная организация — подпольная военизированная организация, созданная во время Первой мировой войны для освобождения польских территорий из-под российского владычества — Примеч. пер.} и офицер четвертой дивизии ген. Шимковского, принимал участие в битве под Каневом^{Битва под Каневом — сражение 2-го корпуса Войска Польского с немецкими войсками в мае 1918 г. — Примеч. пер.} и был членом Союза каневцев и желиговцев^{Желиговцы — участники т.н. бунта Желиговского — военной операции в октябре 1920 г., когда часть территории Литвы, включая Вильно, была фактически присоединена к Польше — Примеч. пер.}. Так что, Канев, эта битва и этот союз, плюс ассоциация с «Пламенем» — все это засело у меня в голове, поэтому такой псевдоним. Кроме того, ежедневно точно так же все это отправлялось через проводника в Мюнхен, к Яну Новаку-Езёранскому^{Ян Новак-Езёранский (1914–2005) — польский политик, общественный деятель, многолетний директор}

польской программы радио «Свободная Европа» — *Примеч. пер.* Там Анджей Хоминский, знаменитый актер, ныне покойный, ежедневно читал «Архипелаг» и все три огромных томища прозвучали таким образом по «Свободной Европе», поэтому мне и приходилось переводить книгу в такой спешке.

— *Сколько страниц в день вы переводили?*

— Минимум десять. Прочтение одной страницы — это две минуты. Три, если чтец — актер. Хоминский был прекрасным декламатором. Это полчаса. Вот так это выглядело. Я замучил жену, ведь попутно мы переводили еще и других авторов — Сахарова, Геллера.

— *Гедройц как-то вмешивался в перевод, что-то правил или просто принимал его?*

— Тереза Тораньская Тереза Тораньская (1944–2013) — польская журналистка и писательница — *Примеч. пер.* считала меня «счастливчиком». Я с этим не соглашался, но, если говорить о Гедройце, то, думаю, в этом отношении я был счастливчиком. Во-первых, потому что познакомился с ним, во-вторых, потому что он доверял мне, а в-третьих, потому что он никогда не вмешивался не только в мои переводы, но и в мои довольно многочисленные статьи, которые я успел опубликовать в «Культуре» под разными псевдонимами. Он либо отвергал статью, чаще всего вместе с писателем, либо принимал.

— *Редакция «Свободной Европы» знала, кто переводит Солженицына?*

— Конечно, нет. В редакцию «Свободной Европы», несмотря на соперничество Ежи Гедройца с Яном Новаком-Езёранским, переводы пересылал Литературный институт. Трения между ними явно возникли не столько из-за политических расхождений, сколько из-за стремления занять лидирующую позицию среди авторитетов. Это очевидно. Атакующей стороной был здесь не Гедройц, а Новак, которому хотелось выглядеть отличным организатором и конспиратором. Как конспиратор он провалился, проглядев несколько фигур, внедренных на «Свободную Европу». При огромных усилиях собственной контрразведки, он все же недооценил силу госбезопасности. Гедройц предчувствовал это и предостерегал меня перед непосредственными контактами с радиостанцией. Тогда как «Культура» была, по сути дела, непроницаемой, и это понятно, ведь посвященных там было четыре, от силы пять человек. Ежи Гедройц и его брат Хенрик, а также Зофья и Зигмунт Герц. К этому следует добавить еще Густава, который раз в квартал приезжал в Мезон-Лаффит.

— *А когда вы, наконец, раскрыли свое авторство?*

— Я признался только в 1992 году, когда приехал на родину, где в меня вцепился издатель из «Нового польского издательства». Он узнал, что это я переводил Солженицына, так как я обратился в польское авторское общество ЗАИКС с требованием выплат от нелегальных издателей, которые уже в свободной Польше, после 1989 года, по-прежнему издавали Солженицына и других переведенных мной авторов, не отчисляя ничего ни «Культуре», которая имела соответствующие права, ни мне как переводчику. Я считал, что это нечестно. Пока речь шла о подпольных изданиях до 1989 года, меня это только радовало. Вышло множество неофициальных изданий, перепечаток с книги Литературного института.

— *Существуют ли правила перевода? В чем суть ремесла переводчика?*

— Корней Чуковский, знаменитый критик и переводчик, сказал, что хороший и добросовестный переводчик должен стараться, чтобы переведенный текст звучал так, как его написал бы сам автор, если бы знал язык, на который переводится его произведение. Вот и вся философия. Эта формула Чуковского содержит в себе заповедь уважения к языку и традициям языка, на который переводишь. Поэтому эквивалентные переводы, которые пытаются точно воспроизвести ритм оригинала, как правило, неудачны, если речь идет о языках, не имеющих такой печальной привилегии, каковой обладает польский язык, а именно постоянного ударения на предпоследний слог. Русский язык в этом отношении гораздо более привилегирован. Поэтому перевод русских стихов так, как они написаны, с сохранением версификационных особенностей, чаще всего обречен на неудачу. То же относится к классической поэзии, древнегреческой или латинской. Это доказывают трудности с переводом не только Гомера, но даже намного более легкого Вергилия. По сути дела, старые польские переводы, где верность принципу польской метрики была для поэта уже понятна, естественна и обязательна, намного лучше новых, в которых переводчики пытаются подражать ритму оригинала, из чего получаются такие уродцы, как перевод гекзаметра польским гекзаметром, который недостижим.

Сентенцию Чуковского следует все же дополнить еще одним принципом. Конечно, знание языка, с которого переводишь, абсолютно необходимо, но намного важнее знание родного языка. Переводчиком не может быть любой филолог, хорошо знающий язык, с которого он собирается переводить. Необходимо как можно более

полно овладеть богатством родного языка, того языка, на который переводишь. Ведь существуют словари, позволяющие понять или включить в свой лексикон редко используемые слова либо неологизмы. Возьмем языки отдельных групп: например, при переводе Солженицына я должен был знать аргю заключенных, слышать «блатную музыку». Или возьмем аргю офеней — это тайный язык, один из тех тайных языков, на которых когда-то говорили между собой бродячие торговцы — продавцы изображений Святого Семейства или самых известных святых, ходившие по деревням, объясняясь друг с другом понятным только им кодом. Я пользовался этим знанием при переводе тайного языка так называемых урок, долгое время составлявших в советских лагерях правящий слой, с помощью которого охрана оказывала давление на огромное большинство заключенных. Они говорили между собой на языке, понятном лишь им самим. По-польски не получалось передать язык урок, так как аргю польских главарей преступного мира в Великопольше было насыщено выражениями из немецкого языка, а в остальных местах, в Конгрессовке^{Конгрессовая Польша или «Конгрессовка» — территория Польши, находившаяся в составе Российской империи с 1815 по 1917 годы — Примеч. пер.} и даже в Галиции — из языка идиш. Поэтому перевод языка русских урок путем вкрапления в текст Солженицына выражений из языка урок польских вызвал бы у читателя приступы смеха или изумления.

— *Вы говорите о возможных трудностях при переводе метрического стиха. Однако вы переводили, главным образом, прозу и драматургию.*

— Для меня важнее перевод нескольких стихотворений Мандельштама, из которых вы, возможно, знаете одно, потому что его пела Эва Демарчик. То, что преобладает количественно, не обязательно самое главное.

Конечно, при переводе поэзии понимание ритма или других особенностей метрики должно быть подчинено чему-то гораздо более важному, пониманию цели, стоявшей перед автором, когда он использовал то, а не иное слово, или, тем более, придавал ему какое-то особое звучание, либо подчеркивал звуковую сторону.

Это всё средства. Конечно, основная цель — произвести впечатление не только на ухо, но, прежде всего, на интеллект читателя или слушателя. Понятно, что речь идет о поэзии, хотя это имеет значение и для прозы. Проза отличается от языка, на котором мы говорим. Отличается искусственностью, намеренной искусственностью, без которой она не была бы художественным средством, то есть более выразительным средством передачи мысли. Поэзия еще сильнее увеличивает эту дозу искусственности. Отличие от разговорного языка здесь должно быть еще более разительным. Поэтому Пушкин, прочитав перевод «Илиады», сделанный известным литератором Николаем Гнедичем, написал короткую эпиграмму, две последние строчки которой: «...что, если это проза, / Да и дурная?...» Последние строки пародии А.С. Пушкина на стихотворение В.А. Жуковского «Тленность», написанное белым стихом — *Примеч. пер.*

То же относится к так называемым белым стихам, доминирующим сейчас в польской поэзии. Они считаются чем-то не только модным, но и намного более правильным. Такого рода перевод, который не отличает разговорного языка от языка прозы или, тем более, языка поэзии, является переводом бесполезным, ошибочным, очень фальшивым. Он должен отличаться от разговорного языка, и отсюда весь арсенал, которым обладает русская поэзия, а именно — рифмы, ритмы, каденция фразы — всё это не какие-то украшения, а инструменты, указывающие на предмет стихотворения, то есть на его принципиальную основу, требующие от читателя или слушателя рассматривать ее как что-то важное, выразительное.

— *Считаете ли вы, что существует нечто такое, как дух или душа народа, которая проявляется в его языке, и в которой некоторые гении участвуют особым образом, давая ей выражение?*

— Приведу пример, что такое душа народа. Михаил Бакунин, создатель современного анархизма, десять лет жил в Германии и написал потом, что немцы — это народ, душа которого более всего поспособствует возникновению анархии и анархистов. Это народ, лишенный государственного инстинкта и не выносящий дисциплины и порядка. Он написал так после десяти лет жизни в Германии и в немецкой Швейцарии, в кантоне Швабхаузен. Кроме польского, я хорошо знаю два других народа, а именно итальянский и русский, и заверяю, что то, что называют душой народа, то, что мы о нем знаем, что он сам о себе знает, это душа или, может быть, национальный характер, можно сказать, не самого народа, а его власти. Его власти, которая, к счастью, меняется и которая в Новгороде была совсем другой, нежели в соседней Москве. Там жили те же русские, но Великий Новгород был демократической республикой по образцу итальянских городов-республик, таких как Флоренция, Сиена или Венеция, которые являлись не только городами, но и мощными государствами. Великий Новгород был огромным государством, граничившим с Литвой, по сравнению с которым Великое княжество Московское было непропорционально мало. Великий Новгород существовал 800 лет, а Великое княжество Московское, ставшее русским царством, существует лишь с 20-х годов XVII века, то есть вдвое меньше, чем Новгород. Мариуш Вильк, который провел много лет на Севере, там, где не было татар, и где живут русские, немного иные,

чем в Московии — ведь там живут староверы, исповедующие православие, принятое до патриарха Никона... Там живут люди, говорящие на диалекте со множеством финно-угорских слов, так как этот край населяли финно-угорские племена, от которых сохранились лишь остатки, такие как мордва, марийцы, карелы, которым ближе до Финляндии, чем до России. Так вот, Мариуш Вильк, который жил там много лет, написал довольно интересные воспоминания, в частности, о Соловецких островах и о самой северной России — Карелии; он описывает этих людей так, что они совершенно не напоминают героев, скажем, Тургенева или Чехова. Уверяю вас, попытка вникнуть в душу народа ошибочна с исторической точки зрения.

— *Это лишь определенная осторожность в употреблении языка. Ведь написал же Мариан Здзеховский когда-то исследование «Русское влияние на польскую душу». Можно ли сказать, что вы как редактор стараетесь оказать влияние на русскую душу, а как переводчик — на польскую.*

— Не душа и не польская душа. Польская душа, если оценивать ее согласно самым богатым по описаниям и языку памятникам польской старины, это душа, изображенная Хенриком Жевуским в «Воспоминаниях Соплицы» — отвратительная, переполненная сарматизмом^{Сарматизм — шляхетская идеология, доминировавшая в Речи Посполитой в XVI-XIX веках, согласно которой шляхта произошла от древних сарматов, что выделяет ее из массы простолюдинов (славян и литовцев) — Примеч. пер.} и наихудшим склочничеством душа. То, что он пишет о дворе князя Радзивилла, оскорбляет меня как поляка намного сильнее, чем все обвинения, какие в адрес Польши может выдвинуть госпожа Эрика Штайнбах^{Эрика Штайнбах — немецкий политик, депутат бундестага, глава «Союза изгнанных» — Примеч. пер.} и ее коллеги. Прекрасная книга Енджея Китовича «Описание обычаев при правлении Августа III» намного более поучительна и объективна, чем книга Жевуского, может быть потому, что Китович не был хорошим писателем, он был хронистом. Старательно описывал, что поляки едят, как выглядит пир, какие блюда готовят на Пасху, а какие подают во время Великого поста и так далее. Он описывал обычаи польских дуэлянтов и кодекс чести, принятый у шляхты. Мы очень мало знали бы об обычаях простого народа, если бы не труд таких поляков-собираателей, как, например, Оскар Кольберг, которых я считаю необыкновенно важной частью польского общества. Благодаря их работе были описаны народные обычаи польского крестьянства, возможно, и не ощущавшего ничего общего ни с правящим классом, потому что тогда правили оккупанты, ни с польским шляхтичем. Польский крестьянин не только не чувствовал родства с аристократом или шляхтичем, но чаще всего испытывал к ним враждебность. И не надо даже вспоминать восстание, а скорее, бунт, мятеж Якуба Шели^{Якуб Шеля (1787–1860) — предводитель крестьянского восстания против польских землевладельцев в окрестностях города Тарнов — Примеч. пер.}

, достаточно почитать Жеромского, ту страшную сцену из «Верной реки». Также была большая разница в чувствах и обычаях между униженным, трудящимся, презируемым крестьянством и достаточно большим в Польше, самым многочисленным в процентном отношении слоем шляхты. Францией до самой революции, до якобинцев, правило 1,5-2%, тогда как в Польше, вместе с Литвой, шляхта составляла 10%, а в самом Королевстве Польском 12%. Шляхта была необыкновенно многочисленным классом, в процентном отношении ее было больше, чем в какой-либо другой стране Европы, и это прекрасно. Поэтому, несмотря на то, что, в общем-то, крестьяне своих господ ненавидели, шляхта стала зародышем лучшей польской элиты, каковой является интеллигенция.

— *Тогда я сформулирую это иначе, не употребляя слов «дух» или «душа». Согласитесь ли вы, что если средством, применяемым «Новой Польшей», является перевод отдельных текстов, то цель ее состоит в переводе высшего уровня, переводе польской культуры на русскую?*

— Да, конечно, культура — это сейчас наш самый главный экспортный товар. Русские, скорее, пытаются быть буржуазным народом и всё считают и оценивают в зависимости от суммы, которая получается из этих подсчетов. Они считаются только с теми, на ком могут заработать, или кто кажется им сильным, а потому опасным. Всё это я говорю не о русских вообще, а о правящих кругах, о российской власти. Что на самом деле думают русские, и что там происходит, это вопрос, на который, возможно, ответит далекое будущее, и это объясняется не какой-то душой или национальным характером.

— *Имеет ли переводчик право исправить переводимый текст?*

— Что значит, исправить? Если его приходится исправлять, то его не стоит переводить.

— *Однако по опыту мы знаем, что творение переводчика порой может превзойти оригинал.*

— Я не знаю такого случая. Лъстецы, влюбившиеся в Бабеля так же, как я, убеждали меня, что мои переводы его одесских рассказов лучше оригинала. Это свидетельствует только о том, что они не знают русского языка и не понимают, каким писателем был Бабель. Это был крупнейший прозаик XX века, если речь идет о коротких

рассказах. Не только в русской литературе. Хемингуэй сказал: «Мне всегда казалось, что я способен писать кратко и могу в нескольких словах сказать то, на что у других уходят целые тома». Тогда как Бабель сумел выдать больше сыворок из творога в нескольких рассказах, чем мне удалось за всю жизнь^{Ср.:} «Я помню, как в мадридской гостинице Хемингуэй, который впервые тогда прочитал Бабеля, сказал: «Меня ругали, что я слишком кратко пишу. А я нашел рассказ Бабеля еще более сжатый. Значит, можно еще крепче сжать творог, чтобы ушла вся вода» (из речи И. Эренбурга, посвященной семидесятилетию И. Бабеля, 1964) — Примеч. пер. Если уж я занимался переводом, — а это вовсе не было самой важной сферой моей, скажем так, литературной деятельности, — то всегда переводил исключительно тех писателей, в которых был влюблен. Таких как Бабель, как поэты Ахматова, Мандельштам или Мартынов^{Леонид Мартынов (1905-1980)} — поэт, автор патриотических, философских стихов, связанных с судьбами жителей Сибири. Автор репортажей, очерков. Переводчик польской поэзии — Примеч. авт. Я просто чувствовал что-то вроде смеси восхищения с желанием подружиться с этим человеком, дотянуться до него, встретиться с ним, что часто, особенно, если речь шла об умерших, было невозможно. Вот именно таких я и хотел переводить. Некоторые считают, что поэзия в принципе непереводаема, — это неправда. Нужно стараться дотянуться до оригинала, стремясь к цели, указанной Чуковским, хотя бы приблизиться к нему. Иногда это удается. Без ложной скромности могу сказать, что мне это иногда удавалось.

— *Но что такое оригинал или первоисточник, к которому нужно приблизиться? Вальтер Беньямин, например, утверждает, что оригинал — это не сам текст, который переводят, оригинал где-то глубже, вне буквы, под поверхностью, и именно с этим, более глубоким оригиналом нам нужно соотносить себя, а не с самим текстом. Следует вслушаться в некий исходный, истинный язык, заключенный в национальных языках.*

— Да, но это результат увлечения Беньямина и всего его поколения призывом „Zurück zu Kant”^{Назад к Канту (нем.)} — Примеч. пер. Призыву отвергнуть все идеи XIX века и вернуться к Канту как к источнику, а Кант ведь был приверженцем существования универсалий. Так же и Беньямин утверждает здесь, что существует некая универсалия, которую поэт, когда пишет стихотворение, хочет выразить неким определенным образом, как-то конкретизировать. Но именно этого я не понимаю.

— *Что-то же автор выражает, не только себя...*

— Конечно! В каждом стихотворении, это как раз ясно, но в этом состоит не столько его тайна, сколько характерная черта, особенность, то, что отличает поэзию от прозы.

— *И переводчик должен до этого добраться?*

— Это вовсе не скрыто от нас, это некая заметная особенность каждого стихотворения. Додумывать, что за ней кроется, — значит не только обрекать себя на домыслы, но стать заложником своей эпохи. Мы пытаемся понять стихи при помощи тех понятий, универсалий, идей, которые в данную эпоху кажутся нам актуальными, важными и так далее. Есть переводчики, которые невольно, совершенно бессознательно, пытаются в переводе ответить на какие-то вопросы, созревшие у них под влиянием чтения вчерашней газеты, либо политических симпатий к партии, с которой они ведут борьбу много лет.

— *Похоже, что всё равно, хочется нам этого или нет, мы будем заложниками той эпохи, в которой живем...*

— Конечно, в этом нужно признаться и не притворяться, будто творишь что-то вечное.

— *Густав Герлинг-Грудзинский в «Ночном дневнике» писал об одном переводческом парадоксе, что даже такой переводчик, как вы, не справился с прозой Варлама Шаламова, а вот инженеру Юлиушу Бачинскому это удалось — как это, вообще, возможно?*

— Шаламова переводили разные люди, я тоже перевел несколько его рассказов. С Густавом Герлингом мы знакомы еще с довоенных времен. Я очень высоко ценю его творчество. Думаю, что это писатель, который слишком долго сидит в чистилище, о нем слишком мало говорят, его слишком мало читают, а все потому, что он один из двух-трех польских писателей, которые понимали Джозефа Конрада и попытались сделать в польской литературе то, что тот сделал в английской. Лишь он да Ян Юзеф Щепаньский поняли это послание. Но то, что он написал о Шаламове, я считаю несправедливым. Те два или три перевода, которые мне поручил сделать Гедройц, полагаю, они, в конце концов, получили бы признание Густава. Он хотел подчеркнуть, что этот писатель так малоизвестен и так труден для перевода. Это верно, Шаламов — действительно феномен. Честно говоря, мне кажется, что он намного лучший стилист, чем Солженицын, хотя к Солженицыну я отношусь не

только с почтением, но даже с какой-то нежностью. Просто, из-за верности Солженицыну я не хотел переводить Шаламова. Кроме того, как и с Бабелем, я считал неприличным присваивать его.

— *Вы имеете в виду «Избранные произведения» Бабеля 1961 года издания?*

— Да, это был сборник рассказов, содержащий найденные рассказы. Это случилось после реабилитации Бабеля. Уже можно было упоминать его имя. Я написал о нем статью «Еврей из Одессы». Тогда издательство «Читательник» заказало мне книгу переводов. Часть этих переводов я уже успел опубликовать в различных журналах, но я пригласил своих друзей и каждому из них дал по одному, иногда по два рассказа Бабеля, таким образом в этом томе не только мои переводы, но и работы таких известных переводчиков, как Мариан Топоровский, Земовит Федецкий, Северин Поллак, Виктор Ворошильский. Зато остальные книги его рассказов и других произведений мне пришлось переводить самому.

— *Вернемся, однако, к Шаламову.*

— Точно так же я считал, что переводы Шаламова, если бы я сделал их старательнее и с большим рвением, если бы нашел для этого время, привели бы к некоторому снижению ранга Солженицына, а мне хотелось, может быть, подсознательно, чтобы другие уважали его так же, как я. Я не хотел создавать здесь конкуренции, думал — пусть этим займутся другие. Но я не считаю его таким уж трудным для перевода писателем, как думал Густав.

Нужно знать некоторые рассказы Солженицына, малоизвестные в Польше. У него есть небольшие рассказы «Крохотки», которые, независимо друг от друга, не зная об этом, перевели Виктор Ворошильский и я. Они не хуже рассказов Шаламова, но только эти и два-три ранних произведения, таких как «Матренин двор», как «Случай на станции Кречетовка».

Это авторы, которых можно поставить рядом. И слава Богу, что они выжили в лагере. Ведь Шаламов там едва выдержал физически, тогда как Солженицын значительную часть срока отбыл в шарашке, где жизнь была легче, чем в самом лагере. Он был математиком, поэтому его отправили в лагерь для ученых, в шарашку, к тому же расположенную в подмосковном Марфино, где проще было с посылками и с вестями из того, другого мира...

Алиция Розе — поэтесса, эссеист, переводчица. Сотрудник «Либеральной культуры». Публиковалась также в журнале «Земшты литерацке», в «Газете wyborчей», на портале Dwutygodnik.com. Ее иллюстрации можно найти на сайте <http://alicjarose.com/>.

Анджей Серафин — редактор ежеквартальника «Кронос», переводчик Таубеса и Платона. Работает над реконструкцией несохранившейся книги Хайдеггера «Phänomenologische Interpretationen zu Aristoteles».

2: Партии «Право и Справедливость» скажем — стоп!

Мы ведем слишком много интеллектуальных разговоров в кафе и слишком мало делаем. Каждый должен задуматься, как мобилизовать свое окружение, чтобы защитить свободу — говорит автор польских реформ Лешек Бальцерович.

— *Вы призываете поляков показать популистам и демагогам жест Козакевича* «Жестом Козакевича» называют в Польше оскорбительный жест, показанный польским легкоатлетом В. Козакевичем советским зрителям, освистывавшим его на Олимпиаде в Москве в 1980 году.

— Перед нами настоящий тест на то, сколько в польском обществе гражданского общества. Новая власть предлагает, если говорить о направлении преобразования государства, отойти от строя, о котором мечтало большинство поляков во времена ПНР. Мы радостно восприняли прощание с социализмом, потому что оно означало конец власти, сосредоточенной в одних руках, опиравшейся на аппарат преследования и спецслужбы, а также конец тотально политизированной и из-за этого отсталой экономики. С 1989 года мы строили и, в значительной мере, построили государство западного типа. Нам еще многое предстоит сделать, чтобы достичь лучших западных стандартов, а тут ПИС^{ПИС} («Право и справедливость») — ныне правящая польская политическая партия. с

Кукизом Павел Кукиз (р. 1963) — польский музыкант и актер, политик, кандидат в президенты Польши на выборах 2015 года. **хотят повернуть нас вспять.**

— ***Вы как-то сказали, что ПИС это тромб ПНР.***

— Если вспомнить, что представляла собой ПНР, мы увидим, что изменения, предлагаемые ПИС, возвращают нас назад. Парализация Конституционного трибунала или помилование Мариуша Каминского^{Мариуш Каминский} (р. 1965) — польский политик, осужденный за участие в аферах, помилованный 16 ноября 2015 г. президентом Анджеем Дудой и в тот же день получивший министерский пост в правительстве. президентом Анджеем Дудой — это явные сигналы, что политики правящей партии ставят себя превыше закона, стремятся заменить собой суд. Если добавить к этому сосредоточение всей власти над спецслужбами, то обнаруживается модель неправового государства. То есть такого, в котором власть может сделать со своими оппонентами все, прибегая порой к фальшивым уголовным обвинениям.

— ***Она делает то, что не удалось в 2005-2007 годах. На этот раз в молниеносном темпе.***

— Разумные люди помнят, что тогда помешало Ярославу Качинскому. Он назвал это «правовым импоссибилизмом». Было ясно, что ему не по пути с западной моделью государства. Мне хотелось бы напомнить, что контроль законодательства со стороны специального судебного органа, проверяющего законы на соответствие конституции, является великим изобретением современной цивилизации, рожденным в США.

— ***«Антидемократы всегда клянутся, что защищают демократию» — это ваши слова.***

— На сегодняшний день у нас больше сигналов, что новая власть хочет ограничить фундаментально важную вещь: верховенство права, а это может привести к ограничению конкуренции в политике, выражающейся в свободных выборах, то есть демократии. И присвоить государство. А раз государство «наше», то в нашем государстве нет места независимым институтам. Нужно их захватить, то есть заполнить своими людьми, а если это невозможно, парализовать. С чем мы сейчас и имеем дело в случае Конституционного трибунала. Таким образом, независимость институтов остается лишь на бумаге, и это еще одно сходство с ПНР, где стандартом была лишь видимость институтов. Я говорю об угрозе, которая просматривается в высказываниях и действиях ПИС, а не о завершенном процессе.

— ***Виктор Орбан в Венгрии доказал, что такие реликты могут себя неплохо чувствовать.***

— Реджеп Эрдоган в Турции тоже. Турецкая демократия была несовершенной, но все же это была демократия, пока Эрдоган ее не уничтожил. Каким образом? Он мобилизовал наиболее консервативную, наиболее отсталую часть общества. Вдобавок он устроил сфальсифицированные процессы против руководителей армии и завладел аппаратом насилия. Сегодня он почти султан, который схватился с царем России — Путиным.

— ***Как Ярослав Качинский у нас.***

— С поправкой «почти», ведь в Турции консервативная часть общества значительно больше. В Польше ПИС имеет группу верных сторонников, которые объединены общей верой и являются духовными рабами своего гуру, но многие избиратели голосовали за эту партию, не потому что поддерживают программу Ярослава Качинского. Скорее, они поддались на громкие слова или выразили недовольство правлением «Гражданской платформы». «Платформа» своими действиями и лозунгами, противоречившими первоначальным декларациям, оттолкнула от себя наиболее идейных избирателей. Это была огромная ошибка.

— ***Тем временем Качинский спрятался за спинами президента Анджея Дуды и премьер-министра Беаты Шидло.***

— Я не принадлежал к числу тех, кто считает, что если Качинский теперь не на виду, и появились новые, более молодые лица, то прежние лозунги и высказывания председателя партии «Право и справедливость» перестали быть актуальными. Я, скорее, считаю, что заменившие его фигуры — это марионетки. Интересно, как теперь чувствует себя группа наивных избирателей, позволивших обмануть себя новой упаковкой? Как чувствуют себя люди, которые — не будучи сторонниками ПИС — не пошли голосовать?

— ***Многие перед выборами предупреждали, что может означать приход к власти партии «Право и справедливость».***

— В отчете Форума гражданского развития^{Форум гражданского развития (ФГР) — польская неправительственная организация со статусом фонда, созданная в 2007 г. по инициативе Лешека Бальцеровича.}, опубликованном за два месяца до выборов, мы представили три различных сценария экономического развития Польши. На сегодня программа ПИС близка к худшему из них. Ведь она означает отсутствие реформ, улучшающих государственную финансовую систему и расширяющих экономическую свободу в рамках лучшего законодательства, плюс антиреформы, например, уменьшение пенсионного возраста, и дальнейшую политизацию экономики. Реализация программы партии «Право и справедливость» приведет к сильному замедлению экономики и увеличению риска кризиса. Это, в свою очередь, означает, что сохранятся мощные стимулы для выезда поляков из страны.

— ***Иными словами, выбор поляков противоречит их собственным интересам?***

— Пропагандой ненависти, ложью и пустыми обещаниями можно увлечь и в условиях демократии. В Польше не

произошло какого-то резкого разворота общественного мнения. Поляки не стали вдруг более консервативными, более ретроградными и более наивными. Результаты выборов определила мощь пропаганды «Права и справедливости» при слабостях «Гражданской платформы». Например, нападки на Открытые пенсионные фонды и другие инициативы ПИС, политика «теплой воды» «Стратегия теплой воды в кране» — удовлетворение насущных потребностей избирателей вместо проведения непопулярных крупномасштабных реформ, проигрыш Брониславом Коморовским президентских выборов по собственному желанию — все это были подарки для «Права и справедливости».

— ***А председатель Качинский не замедлил ими воспользоваться.***

— Он мобилизовал людей вокруг лживого лозунга «Польша в руинах» и вокруг обещаний, реализация которых дорого обойдется Польше. А также с помощью псевдонаучной риторики, например, «национальных чемпионов» Идея «национальных чемпионов» — политическая концепция, согласно которой большие корпорации в стратегических секторах экономики должны не только стремиться к получению прибыли, но и отстаивать интересы нации., представляющей собой устаревшую теорию родом из Латинской Америки или Западной Европы 50-летней давности. Эти и другие предложения ПИС популяризировал Ян Кшиштоф Белецкий, идеолог этатизма у Туска. А ведь казенные предприятия — это анклавы социализма, в которых речь идет только о том, чтобы назначить своих людей в правление, которое потом будет выполнять политические указания. Хотя бы такие, как приобретение энергетическими концернами нерентабельных шахт. ПИС использует это еще агрессивнее. Из-за отсутствия широкой приватизации при правительстве ГП-ПСЛ Крестьянская партия ПСЛ — политическая партия в Польше, находившаяся в коалиции с «Гражданской платформой», нынешняя власть получила инструменты, позволяющие вести политику не в интересах государства, а в интересах партии. В Польше самая большая доля государственной собственности во всем ОЭСР ОЭСР (Организация экономического сотрудничества и развития) — международная экономическая организация развитых стран, признающих принципы представительной демократии и свободной рыночной экономики.

— ***В случае с Конституционным трибуналом действия «Гражданской платформы» облегчили «Праву и справедливости» манипулирование законом.***

— Конечно, ведь если бы предыдущее правительство не позарилось на дополнительные судейские места, у Качинского не было бы столь прекрасного предлога. То, что мы сегодня наблюдаем, это ускорение разрушения. Конституцию топтали и другие партии, принимая удобные для себя решения без оглядки на закон.

— ***Только тяжесть грехов иная.***

— Да. ПИС использует меньший грех, чтобы обосновать больший. Такая логика ведет к созданию партийного государства, служит не исправлению его, а ослаблению.

— ***Патриотизм, согласно одному из ваших определений, — это противостояние популистам.***

— Людей, чьи действия вредят их стране, часто отличает злоупотребление патриотической риторикой. Сегодня я постоянно слышу: «экономический патриотизм». Что, собственно, это означает? То, что мы хотим сделать лучше? Мы всегда стараемся сделать лучше — основной вопрос: как? Когда речь идет о высоких целях, люди обычно соглашаются друг с другом. Серьезные люди разговаривают о том, как этих целей достичь — в этом видна их компетентность либо ее отсутствие, их ответственность либо безответственность. Я не увидел в программе ПИС проявления такого профессионализма и ответственности за страну, зато вижу множество националистических лозунгов.

— ***Много слов о народе, действий от его имени и в его интересах.***

— Эмиссия патриотической фразеологии напоминает мне лавину социалистических лозунгов времен ПНР. Ложному патриотизму, т.н. порче государства и экономики под прикрытием патриотической риторики нужно противостоять.

— ***Каким образом?***

— У нас в Польше по-прежнему широкий диапазон гражданских прав. Мы не Беларусь...

— ***Пока...***

— И не путинская Россия. В Польше сопротивление плохой власти не связано с риском репрессий. Поэтому то, как мы поведем себя сегодня, будет ответом на вопрос, не ограничивается ли наше свободолюбие неудачными (по большей части) восстаниями. «Солидарность» под предводительством Леха Валенсы показала, что это не так. Перед нами очередной экзамен по гражданской ответственности.

— ***Пока у нас есть мемы в интернете и виртуальные инициативы, такие как «Комитет в защиту демократии» «Комитет в защиту демократии» (КЗД) — созданное в интернете общественное движение против нарушения законов правительством «Права и справедливости».***

— Интернет очень важен. Важно разоблачать бредни, инсинуации и ложь. Смех — это эффективное оружие. Конечно, важны и профессиональные разработки, которыми в Польше занимаются многие неправительственные организации, в том числе Форум гражданского развития.

— **Достаточно ли этого, чтобы дать отпор власти, портящей государство?**

— Мы ведем слишком много интеллектуальных разговоров в кафе и слишком мало делаем. Каждый должен задуматься, как мобилизовать свое окружение. Массовые акции через интернет и другие действия с использованием гражданских свобод — вот наши инструменты. У нас по-прежнему есть свобода слова, свобода собраний, свобода организации. Это нужно использовать.

— **Выйти на улицы? Устроить польский Майдан?**

— Вспомним, как часто на улицы выходили сторонники ПИС и их союзники, например, нынешняя «Солидарность». Думаю, в Польше много активных людей, которые не позволили и не позволят новой власти одурачить или запугать себя. Рано или поздно они скажут: стоп! Блицкриг, который ПИС провернул в течение 10 дней, не означает, что в таком же темпе удастся организовать эффективное противодействие. Но это уже начинается. Уже что-то пробуждается в гражданском обществе.

— **А если все же не получится?**

— Я не буду присоединяться к нытью тех, кто заранее говорит, что ничего не выйдет. Пропаганда пораженчества не в моем стиле. Наступило время мобилизации, и нужно мобилизовать людей.

— **Скажите это главной оппозиционной партии, которая, вместо того, чтобы боксировать с Качинским, покидает зал заседаний Сейма во время важных дебатов.**

— Оппозиционные политики сами не решат проблему, существующую в Польше. Здесь нужно давление гражданской части общества.

— **Которой необходим лидер. Рышард Петру**^{Рышард Петру (р. 1972) — польский экономист и политик, глава либеральной партии «Современная».}

— Я хорошо его знаю, он был моим студентом, а в 1997-2000 годах — сотрудником. Он прекрасный специалист в области экономики и государственного управления. Лидеры нужны, чтобы озвучивать проблемы, потому что неназванные проблемы в сознании людей не существуют. Вред, наносимый государству и экономике руками «Права и справедливости», может остановить только гражданское сопротивление. Эта власть вводит перемены столь грубым образом, что стимулов для мобилизации предостаточно.

— **Куда будет направлен следующий удар?**

— ПИС уже оказывает давление на СМИ. Из уст вице-премьера Глинского прозвучали угрозы в адрес журналистов — такого в истории прессы свободной Польши, кажется, еще не было. Кстати, когда я возглавлял «Унию свобод»^{«Уния Свободы» — польская политическая партия, созданная в 1994 году в результате объединения Демократической унии и Либерально-демократического конгресса.}, проф. Глинский был нашим экспертом по вопросам экологии, и я считал его вполне адекватным человеком.

Будут предприняты также попытки повлиять на культуру, придать ей национальный характер. То есть какой? Захолустный? Высокая культура вступает в диалог не только с представителями собственного народа — тем более, если это всего лишь часть народа, преданная идеалам ПИС.

Кроме того, под удар попала сфера образования, где намечается просто беспредел. А как еще назвать ситуацию, когда группа — пусть даже это будет миллион человек — навязывает свои взгляды многим миллионам учащихся, учителей и родителей? Правительство ликвидировало гимназии, но до сих пор не представило никакого обоснования для такого решения.

— **А обороноспособность?**

— Назначение Антония Мацеревича^{Антоний Мацеревич (р. 1948) — польский политик, известный своими скандальными заявлениями.} на должность главы Министерства национальной обороны — это игра с безопасностью Польши. Не знаю его лично, но неоднократно слушал его выступления в Сейме и по телевидению. Мне не кажется, что это здравомыслящий человек. Правительство ПИС, ухудшая имидж Польши среди наших союзников, отдаляет перспективу получения баз НАТО, что необходимо для нашей безопасности. Я также сомневаюсь, что мы будем в состоянии защищать интересы Украины в Европейском союзе.

— **Экономика?**

— Партия «Право и справедливость» пришла к власти (так же, как в 2005 году), когда в краткосрочной перспективе экономическая ситуация не внушает опасений. Если не произойдет серьезных потрясений на мировом рынке, то кризис нам в ближайшее время не грозит. Он может настичь нас позже. Неизбежно сильное замедление роста нашей экономики в долгосрочной перспективе.

— **Так же, как с самоуправлением?**

— Я бы, скорее, сказал: с демократической властью на местах. Ее появление — большое достижение Третьей Речи Посполитой. Напомню, в ПНР были народные советы. Именно — народные. С народной риторикой в ПНР все было в порядке: Фронт народного единства, Патриотическое движение народного возрождения... Однако, возвращаясь к теме нашего разговора, ПИС начала наступление на стольких фронтах, что нужно быть слепым, чтобы этого не заметить. Так что, нам есть, чему противостоять. У нас, ощущающих себя гражданами, а не

сторонниками одной псевдонациональной доктрины, есть достаточно причин перестать жаловаться и начать действовать, защищая свободу и правовое государство.

— *Это звучит, как призыв к войне.*

— Нет, к гражданской защите верховенства права и свободы. Лучшая защита — это нападение. Перед нами большое испытание, которое покажет, насколько в польском обществе сильно гражданское общество.

3: Матеуш Моравецкий — банкир с польской душой

Матеуш Моравецкий вошел в состав правительства как президент третьего по величине банка в Польше. До этого он на протяжении восьми лет возглавлял BZ WBK (Западный банк — Великопольский кредитный банк), с которым был связан с 1998 года. Тех, кто хорошо знает Матеуша Моравецкого, его участие в работе правительства не удивляет. Давно уже поговаривали, что кресло президента банка — это не предел его мечтаний, что у Моравецкого есть политические амбиции.

Круг его интересов всегда был весьма широк. Когда премьером был Дональд Туск, Моравецкий стал членом Экономического совета при премьере (в отставку подал в 2012 г.). Говорят, что тогда ему предложили войти в состав правительства, но он отказался. Согласился после последних выборов.

Не спешить с переходом на евро

— Польша — вот что самое главное. Я принял предложение занять пост вице-премьера и министра развития, потому что верю, что это нужно стране. Я знаю, что мой опыт может пригодиться для осуществления столь важной цели, как развитие Польши, — это слова Моравецкого из официального заявления о том, что он оставляет пост президента банка в связи с переходом на работу в правительство.

Матеуша Моравецкий сыплет данными макро как из рукава, может конкретно ответить на самые каверзные вопросы. Недоброжелатели говорят, что эта его способность весьма пригодится в политике, где надо жонглировать статистическими данными, чтобы приукрасить действительность.

Он очень трудолюбив и решителен. После того, как он занял пост главы BZ WBK, Моравецкий быстро оказался среди наиболее заметных и чаще всего цитируемых президентов польских банков. А надо признать, что его взгляды часто отличались от банковского мейнстрима.

Свое скептическое отношение к проекту быстрого присоединения к зоне евро он выражал давно, еще в то время, когда вхождение Польши в валютную сферу Евросоюза считалось бесспорной догмой, особенно в банковской среде. Впрочем, со мнением большинства он не соглашался не только по этому вопросу.

Матеуш Моравецкий поддержал рекомендацию об ужесточении правил проверки кредитных возможностей, несмотря на то, что многие его коллеги из банковской сферы выступали против подобных мер, опасаясь снижения уровня продажи займов. Он напомнил тогда, что слишком большая задолженность как раз и привела к кризису, а банк должен быть ответственной организацией. «За этим стоят человеческие трагедии в виде банкротств, выселений или социальной изоляции. Именно таким явлениям должна противодействовать данная рекомендация», — говорил он.

Можно сказать, что на его совести нет франковых кредитов, так как его банк не предоставлял их обычным клиентам (хотя в результате слияния с «Кредит-банк» у BZ WBK есть такой портфель). Моравецкий даже призывал наложить запрет на предоставление валютных кредитов.

Несколько лет назад он взбудоражил рынок своими высказываниями о нарастающей волне цунами, которая может захлестнуть польские банки. Он призывал тогда положить конец войне за клиента, ведущейся при помощи увеличения процентов на депозиты, иначе, предупреждал он, пострадают все.

Крепкие налоги формируют патриотизм

Год тому назад Матеуш Моравецкий дал интервью газете «Жечпосполита», в котором представил обзор экономики в целом. На вопрос о зоне евро он ответил, что проблема не в том, вводить ли евро, а в том, чтобы изменить архитектуру роста ВВП — на такой, который будет основываться на инвестициях, а не на снижении уровня потребления.

Моравецкий пояснил, что он вовсе не противник вхождения в валютный союз, но на сегодня это не является целью номер один. «Впрочем, главные выгоды от принятия евро, о которых говорили еще десять лет назад — стабильные курсы, более низкая стоимость сделок и более низкая цена капитала, — оказались частично иллюзорны, а там, где это вначале действительно сработало, потом оказалось началом проблем, как, например, в странах южной Европы», — заметил он.

Моравецкий перечислял целый список проблем, среди которых на первом месте стоят задачи формирования мощного экспорта, конкурентоспособной экономики и накопление сбережений для повышения уровня инвестиций. Он подчеркнул также, что самой большой проблемой польской экономики является слишком высокий уровень потребительских appetитов по сравнению с нашими возможностями в сфере сбережений. «После краха коммунизма это было вполне понятно, но сегодня, когда пришло осознание этой проблемы и ее

масштаба, очень важно, чтобы постепенно, год за годом, этот процесс разворачивать в противоположную сторону, и во всё большей степени становиться кредитором, который диверсифицирует свои активы и экспортирует капитал, чтобы повышать уровень возмещения, генерируемые же внутри страны сбережения создают при этом возможность инвестирования», — подчеркнул Мораецкий. Он напомнил, о необходимости создания механизмов в системе сбережений, как в сфере банков, так и в сфере налогов. «Что касается пенсионных накоплений, то я ратую за развитие так называемой третьей опоры, ведь эта система хорошо функционирует во многих странах», — сказал Мораецкий. Теперь, когда он является вице-премьером и главным министром в сфере экономики, он может эти постулаты проводить в жизнь. Инновационность — вот его конек. Мораецкий подчеркивает, что экономику в Польше следует строить, опираясь именно на инновации. Будучи президентом банка, он делал ставку на поощрение экспортных возможностей польских предприятий — в том числе и небольших, боящихся зарубежных, особенно экзотических рынков. Помочь им выйти на зарубежные рынки призваны были такие проекты, как Программа развития экспорта или Академия предпринимателя. Мораецкий поощряет экономический патриотизм. «Я верю, и верю глубоко, что, поддерживая культуру и национальное наследие, мы формируем идентичность, а тем самым приверженность к продвижению наших брендов, продуктов, услуг», — отмечает Мораецкий. Он любит говорить об успехах польских фирм. Надо признать, что он довольно часто для банковского деятеля делает акцент на социальных направлениях. Он всегда избегал групповых увольнений сотрудников — даже в кризисном 2009 году, да и после слияния с «Кредит-банком». Мораецкий серьезно поддерживает решения, связанные с улучшением положения семьи: начиная с банковских продуктов, заявленных в программе «Карта большой семьи», заканчивая политикой в отношении сотрудников. В его банке, отправляясь в декретный отпуск, женщины получают дополнительно оплаченный месяц.

Семейные традиции и интерес к истории своего народа

Неслучайно логотип банка часто появляется в контексте празднования исторических дат. Семейные традиции нового вице-премьера прежде всего связаны с личностью его отца, Корнеля Мораецкого, легенды антикоммунистической оппозиции, основателя «Борющейся Солидарности», маршала предыдущего созыва в нынешнем составе Сейма. Эти традиции проявляются в стремлении сохранить память о важных исторических событиях, в уважении к людям из оппозиции периода ПНР, в том числе к тем, которых зачастую забывают. «Ведь этим людям, подчас жертвовавшим в борьбе за свободную Польшу своим здоровьем, безопасностью близких, положившим на эту борьбу годы своей жизни, теперь даже не удосуживаются сказать «спасибо», — отметил он в одном из интервью газете «Жечпосполита».

Несколько дней тому назад, выступая в передаче на Третьем канале радио и отвечая на вопрос о том, что, возможно, его сын войдет в состав нового правительства, Корнель Мораецкий сказал, что это был бы хороший выбор, так как «у него и опыт есть и душа у него очень польская».

Это заметно, в частности, по многочисленным патриотическим проектам, в которых принимает участие банк BZ WBK, который, например, поддержал издание «Энциклопедии «Солидарности», сотрудничает с музеем Варшавского восстания, является спонсором конкурса пианистов им. Фридерика Шопена.

Мораецкий — сторонник более широкого взаимопроникновения науки и бизнеса, особенно что касается сотрудничества с учебными заведениями и студенческой средой. Он призывает молодых поляков, обучающихся в Англии, в частности, в рамках Polish Economic Forum, возвращаться на родину. «Нам нужно, чтобы вы вернулись в Польшу. Вы — креативны, вы знакомы с тем, как действуют различные институты на развитых рынках, вы сможете создать рабочие места», — с таким призывом он обратился к студентам. Он подчеркнул также, что если в Англии они — граждане второго сорта, то в своей стране со своим образованием они станут элитой.

Недостатки? Он вежлив, но довольно официален в общении. Ему не присуща раскованность, позволяющая говорить на легкие темы.

Матеуш Мораецкий окончил исторический факультет Вроцлавского университета, курсы бизнес-администрирования Вроцлавского политехнического института и Университета Центрального Коннектикута, а также магистерские курсы MBA Экономической академии во Вроцлаве. На его счету последипломные курсы, в частности, в области европейского права и экономической интеграции, которые он прошел в Гамбургском университете. Кроме того, он прошел курс обучения руководящего звена в школе менеджмента им. Келлога в Северо-западном Университете в г. Эванстон в США.

4: Хроника (некоторых) текущих событий

• «Вчера состоялось первое заседание Сейма восьмого созыва. Фракция «Права и справедливости», выигравшей выборы и ставшей первой после 1989 г. партией, которая будет править страной совершенно самостоятельно, встретила отставку правительства Эвы Копач аплодисментами. Присутствовали почти все депутаты, поскольку в

этот день народные избранники приносили присягу — и только 30 из 460 не стали произносить финального предложения текста присяги: «Да поможет мне Бог». (...) Отправляясь вместе со своим правительством в отставку, Эва Копач пожелала новой команде работать еще лучше, чем “Гражданская платформа”». (Рената Грохаль, Агата Кондзинская, «Газета wyborcza», 13 нояб.)

- «Куда более скверным, чем имитация коллегиальности (в Президиуме Сейма у «Права и справедливости» три — включая представителя фракции «Кукиз’15» — голоса из пяти, поскольку ПИС лишила права на представительство в Президиуме пятую из прошедших в парламент партий, а именно крестьянскую партию ПСЛ — В.К.) представляется упразднение принципа сменяемости председателя комиссии по вопросам спецслужб. В этом случае оппозиция теряет возможность принимать участие в заседаниях коллегии по вопросам спецслужб, действующей при премьер-министре. На заседаниях комиссии рассматриваются вопросы, связанные с задачами спецслужб, заслушивается информация об их деятельности. Участие в работе этой структуры дает оппозиции возможность непосредственно знакомиться с работой спецслужб. (...) И эта явная попытка засекретить свою будущую деятельность выглядит довольно угрожающе», — Влодзимеж Цимошевич, бывший сенатор, депутат, маршал Сейма, министр юстиции, министр иностранных дел и вице-премьер. («Газета wyborcza», 18 нояб.)
- «Целый ряд срочных отставок произошел в ночь со среды на четверг. Премьер-министр Беата Шидло внесла предложение об увольнении командования армии и руководства спецслужб, а парламентская комиссия по вопросам спецслужб дала положительное заключение относительно данной инициативы. (...) На ночном заседании Сейма, в ходе которого парламент поддержал предложение об отставке четырех генералов, появились Антоний Мацеревиц и координатор спецслужб Мариуш Каминский». (Анджей Станкевич, «Жечпосполита», 20 нояб.)
- «Не дожидаясь результатов апелляции, президент воспользовался правом помилования в отношении Мариуша Каминского и трех других лиц, осужденных вместе с М. Каминским за злоупотребление полномочиями в ходе спецопераций Центрального антикоррупционного бюро в 2006-2007 годах. В марте 2015 г. суд первой инстанции признал, что (...) обвиняемые незаконно подделывали документы, злоупотребляли «прослушкой» и устраивали разного рода провокации. (...) “Уголовно-процессуальный кодекс четко указывает, что право помилования, предоставленное конституцией президенту, может использоваться только в отношении лиц, осужденных на основании вступившего в законную силу приговора суда”, — говорит Рышард Калиш, бывший министр в канцелярии президента Александра Квасневского. Профессор Анджей Золль, бывший председатель Конституционного трибунала, посчитал решение Анджея Дуды “прямым вмешательством в деятельность правосудия”». (Войцех Чухновский, «Газета wyborcza», 18 нояб.)
- «Александр Халль, секретарь наградной коллегии ордена Белого орла, а также член коллегии, профессор Хенрик Самсонович, решили покинуть ряды этой структуры. Они пояснили, что причиной такого шага стало решение президента Анджея Дуды о помиловании Мариуша Каминского». («Жечпосполита», 25 нояб.)
- «Производство по делу бывшего руководства Центрального антикоррупционного бюро прекращено не будет. Материалы дела — приговор первой инстанции с его мотивировочной частью — в соответствии с процессуальными нормами будут переданы в суд второй инстанции, который продолжит рассмотрение дела. Об этом на пресс-конференции сообщила Эва Лещиньская-Фуртак, пресс-секретарь по уголовным делам Okręgowego sądu Warszawy. Она также подчеркнула, что решение президента относительно помилования Мариуша Каминского и еще троих обвиняемых будет реализовано, и приговор в отношении всех четверых не будет приведен в исполнение». (Малгожата Крышкевич, «Дзенник газета правна», 2 дек.)
- «В ночь со среды на четверг Сейм избрал новый состав Государственного трибунала. Большинство мест в нем получила партия “Право и справедливость”». («Газета wyborcza», 20 нояб.)
- «Гжегож Берецкий, один из учредителей Кооперативных кредитно-сберегательных касс (ККСК), вчера возглавил комиссию Сената по финансам и бюджету. (...) В парламенте предыдущего созыва членство Берецкого во фракции ПИС было приостановлено после сообщения руководства Комиссии финансового надзора о том, что как минимум 65 млн злотых, находившихся на счетах ККСК, были перечислены частной компании, контролируемой сенатором Берецким. (...) Перед самыми выборами Берецкого поддержал Ярослав Качинский». («Газета wyborcza», 14-15 нояб.)
- «Председателем комиссии Сейма по правам человека и вопросам правосудия был избран депутат Станислав Пиотрович, который, возглавляя в 2001 г. районную прокуратуру, оправдал действия священника-педофила. (...) Прокуратура, которой тогда руководил нынешний депутат от «Права и справедливости» Пиотрович, закрыла дело, поскольку, по мнению прокурора, действия священника в отношении детей “не содержали признаков правонарушения”». (Войцех Тохман, «Газета wyborcza», 26 нояб.)
- «В Сейме партия «Право и справедливость» менее чем за час провела три слушания по законопроекту и с рекордной скоростью приняла новый закон о Конституционном трибунале, позволяющий партии власти избрать пять новых судей в состав трибунала. В знак протеста депутаты «Гражданской платформы» и «Современной» покинули зал заседаний». (Томаш Пласкота, Паула Радванович, «Польска», 20-22 нояб.)
- «Комиссар Совета Европы по правам человека Нильс Муйжниекс прокомментировал принятие закона в своем Твиттере: “Закон об изменениях в составе Конституционного трибунала, принятый польским парламентом, нарушает принцип верховенства права и должен быть отменен”». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 20 нояб.)

- «Закон о Конституционном трибунале в пятницу, после ночных слушаний, был одобрен Сенатом, а затем немедленно подписан президентом, в тот же день оказавшись в реестре нормативно-правовых актов. Закон вступит в силу 4 декабря». («Газета wyborcza», 21-22 нояб.)
- «Сегодня была уничтожена система защиты прав человека и гражданина от произвола государственной — исполнительной и законодательной — власти. Такую защиту осуществлял Конституционный трибунал. Он отменял законы, нарушающие наши свободы. (...) 25-летняя история демократической Польши закончилась», — профессор Анджей Золль, бывший председатель Конституционного трибунала, бывший уполномоченный по гражданским правам. («Газета wyborcza», 21-22 нояб.)
- «По инициативе “Права и справедливости” Сейм принял закон, который аннулировал избрание парламентом предыдущего созыва пяти судей Конституционного трибунала. Тем самым были нарушены основные принципы правового государства и продемонстрировано явное неуважение к конституции. Парламент не может отменять решения Сейма предыдущего созыва — разве что свои собственные. (...) Что самое худшее, отмена решения Сейма предыдущего созыва о назначении судей Конституционного трибунала нарушила сам принцип сменяемости некоторых государственных должностей. Суть этого принципа, в частности, заключается в том, что определенные должностные лица не могут быть уволены в течение всего срока своих полномочий, за исключением случаев, особо оговоренных в законе. (...) Подчинение трибунала парламентскому большинству делает это большинство совершенно безнаказанным, позволяет, не обращая внимания на конституцию и предусмотренные в ней ограничения, принимать законы по своему усмотрению, не считаясь с правами и свободами граждан. От демократии остается только оболочка, то есть власть парламентского большинства, не сдерживаемая ничем, даже если это большинство невменяемо», — профессор Ян Видацкий. («Пшеглэнд», 30 нояб. — 6 дек.)
- «“У Конституционного трибунала слабая легитимность, это политическая структура, но — что намного хуже — в современных политических условиях это еще и партийная структура, а такая практика нуждается в серьезных ограничениях”, — заявил в минувшую среду в эфире «ТВ Република» Ярослав Качинский». (Милош Гловацкий, «Польска», 30 нояб.)
- «Единственный институт в правовом государстве, обеспечивающий неукоснительное соблюдение парламентом ограничений, предусмотренных конституцией — это независимый конституционный суд. Люди, заявляющие о его ограниченной демократической легитимности либо о необходимости внешнего контроля над ним, абсолютно не понимают, а скорее, не хотят понимать, что такое независимая судебная власть», — профессор Марек Сафьян, бывший председатель Конституционного трибунала, с 2009 г. судья Европейского суда. («Жечпосполита», 30 нояб.)
- «Судьи должны выносить решения в тишине своих кабинетов, подальше от какой бы то ни было политической конъюнктуры и давления извне. Последние события, кажется, свидетельствуют, что политический и медийный прессинг в отношении судей Конституционного трибунала перешел всякие границы. Когда перестают работать любые гарантии независимости судебной власти, остается рассчитывать на силу духа», — Анета Лазарская, судья Окружного суда. («Жечпосполита», 3 дек.)
- «В конституции сказано, что срок полномочий судей Конституционного трибунала составляет девять лет. Очевидно, это сделано для того, чтобы власть находилась под контролем судей, избранными ее предшественницей. (...) «Гражданская платформа» правила Польшей восемь лет, поэтому большинство судей трибунала было назначено одной коалицией. Кроме того, ГП пыталась «авансом» назначить судей, чей срок полномочий тогда еще не истек. Под этим предлогом партия «Право и справедливость» (...) проголосовала за признание недействительным назначения пяти судей, осуществленного «Гражданской платформой», и выдвинула собственных кандидатов. А заодно внесла в закон о Конституционном трибунале изменения, расширяющие компетенцию президента за счет полномочий трибунала. Так что в этой истории и у ГП, и у ПИС совесть не чиста». (Михал Шулджинский, «Жечпосполита», 3 дек.)
- «Благодаря голосам депутатов «Права и справедливости», а также нескольких человек из фракции «Кукиз'15», в Конституционный трибунал было избрано пять представителей, занявших места, на которые судей ранее уже назначил Сейм предыдущего созыва. Партия «Право и справедливость» решила не дожидаться сегодняшнего постановления трибунала, который должен был решить, соответствуют ли конституции правила, на основании которых избрал судей парламент предыдущего созыва. (...) Корнель Моравецкий (фракция «Кукиз'15») повторил свою крылатую фразу, которую он впервые произнес неделю назад, когда Сейм ночью признал недействительными решения Сейма предыдущего созыва об избрании пяти судей. “Благо народа должно быть выше закона”, — сказал тогда Моравецкий, тут же подчеркнув: «И даже выше конституции”». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza»)
- «В ночь со среды на четверг, в срочном режиме президент утвердил кандидатуры пяти судей Конституционного трибунала, представленные «Правом и справедливостью». Политики из партии Ярослава Качинского считают, что эти судьи должны заменить пятерых членов трибунала, избранных партией «Гражданская платформа» в конце ее пребывания у власти». (Анджей Станкевич, «Жечпосполита», 4 дек.)
- «В четверг Конституционный трибунал постановил, что избрание троих судей трибунала, совершенное Сеймом предыдущего созыва, не противоречило конституции, а президент Польши был обязан незамедлительно принять

- их присягу. (...) Как установил трибунал, депутаты избрали тогда пятерых судей, однако двоих из них избрали незаконно, лишив возможности выбора судей следующий состав парламента». (Томаш Петрыга, «Жечпосполита», 4 дек.)
- «Президент, будучи выпускником юридического факультета Ягеллонского университета в Кракове и моим воспитанником, не должен нарушать конституцию. Мне очень жаль, что это все-таки происходит. За последнее время президент трижды нарушил закон. Он помиловал Мариуша Каминского до вступления приговора в законную силу. Не утвердил в должности трех судей Конституционного трибунала, которые были избраны парламентом предыдущего созыва на законных основаниях. На скорую руку назначил судей трибунала, избранных Сеймом нынешнего созыва», — профессор Ян Зиммерман, под чьим руководством Анджей Дуда писал кандидатскую диссертацию. («Газета wyborcza», 4 дек.)
  - «Глава Европейского совета по международным отношениям Петр Бурас вчера отказался от членства в президентском Национальном совете по развитию. В письме, направленном на имя Анджея Дуды, он указал, что поведение президента в ситуации с Конституционным трибуналом (...) “нарушает конституцию и подрывает авторитет Конституционного трибунала”». («Газета wyborcza», 4 дек.)
  - «Резолюция № 303/XI/2015 Совета факультета права и управления Ягеллонского университета от 30 ноября 2015 года. Совет факультета права и управления Ягеллонского университета выражает глубокую обеспокоенность по поводу событий, вызванных действиями высших государственных органов страны. В результате действий органов государственной власти под угрозой оказалась независимость судов, в частности, Конституционного трибунала, выступающего одной из гарантий конституционного правопорядка. Подписанный господином Президентом закон от 19 ноября 2015 г. о внесении изменений в закон о Конституционном трибунале противоречит таким принципам демократического правового государства, как независимость судей, верховенство права и отсутствие обратной силы закона. (...) В ночь с 25 на 26 ноября Сейм Республики Польша принял постановления, признающие недействительными результаты выборов судей Конституционного трибунала Сеймом предыдущего созыва. Эти постановления лишены какой-либо юридической силы и усугубляют конституционный кризис в стране. Мы обращаемся к господину Президенту (...) с просьбой уважать ценности, на защите которых стоит наше учебное заведение: право и гражданские свободы. Мы призываем незамедлительно принять меры по недопущению продолжающегося нарушения равновесия между судебной властью, с одной стороны, и законодательной и исполнительной — с другой. Мы надеемся, что Вы исполните свой долг защитника конституции и Польши как демократического правового государства. Декан факультета права и управления, профессор, доктор наук Кристина Хойнацкая». («Пшеглэнд», 7-13 дек., также «Польска», 7 дек.)
  - «Вчера (...) председатель Конституционного трибунала Анджей Жеплинский принял на работу четырех новых судей трибунала (предложенных «Правом и справедливостью» и избранных Сеймом на этой неделе). Судьям были предоставлены кабинеты и выданы документы». (Яцек Лизиневич, «Газета Польска цодзенне», 5-6 дек.)
  - «Сейчас они наделены статусом сотрудников трибунала. Однако они не будут выносить решения, пока вопрос окончательно не прояснится. Сейчас моей главной задачей как председателя трибунала является исполнение вердикта от 3 декабря, согласно которому президент обязан привести к присяге трех судей, правомерно избранных в октябре на места, освободившиеся в ноябре. Я также должен поспособствовать тому, чтобы президент незамедлительно привел этих судей к присяге. Судебное решение в правовом государстве должно быть исполнено и нарушать этот порядок нельзя», — председатель Конституционного трибунала Анджей Жеплинский. («Газета wyborcza», 5-6 дек.)
  - «Генеральный секретарь Совета Европы Турбьерн Ягланд на официальном сайте Совета Европы заявил, что решение Конституционного трибунала “во всех своих аспектах должно быть сейчас же претворено в жизнь”». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 7 дек.)
  - «В субботу вступили в силу изменения в законе о Конституционном трибунале, которые, в частности, сокращают срок полномочий председателя трибунала. (...) Правительство до сих пор не опубликовало в реестре нормативно-правовых актов принятое в четверг постановление трибунала о соответствии конституции избрания трех судей, совершенного Сеймом предыдущего созыва. Постановления трибунала вступают в законную силу только после опубликования в реестре нормативно-правовых актов. («Жечпосполита», 7 дек.)
  - «Президент не собирается принимать присягу судей Конституционного трибунала, избранных Сеймом предыдущего созыва. Об этом сообщил Марек Магеровский, пресс-секретарь президента Анджея Дуды». («Дзенник газета правна», 9 дек.)
  - «В среду утром, еще до заседания Конституционного трибунала, президент Анджей Дуда принял присягу Юлии Пшилембской, избранной на должность судьи трибунала депутатами от «Права и справедливости». Четверо других судей, также избранных ПИСом, принесли присягу президенту на прошлой неделе». (Анджей Станкевич, «Жечпосполита», 10 дек.)
  - «Не могу прокомментировать ситуацию как юрист, поскольку юриспруденция и право на этом закончились», — Ежи Стенпень, бывший председатель Конституционного трибунала. «Конституция Республики Польша, ст. 190, п. 1. Решения Конституционного трибунала имеют общеобязательную силу и являются окончательными». («Газета wyborcza», 9 дек.)

- «Согласно принятому в среду решению Конституционного трибунала, ноябрьские изменения в закон о трибунале, автором которых выступила «Право и справедливость», частично не соответствуют конституции. Трибунал признал незаконным: лишение полномочий председателя трибунала профессора Анджея Жеплинского и вице-президента Станислава Берната; введение условия, согласно которому судья наделяется полномочиями с момента принесения присяги президенту; избрание новых судей на место уже избранных Сеймом предыдущего созыва. Трибунал согласился с введением трехлетнего срока полномочий для председателя и вице-председателя Конституционного трибунала, подчеркнув, однако, что одно и то же лицо не может занимать эти должности два раза подряд». (Марек Домагальский, Анджей Станкевич, «Жечпосполита», 10 дек.)
- «С юридической точки зрения Конституционный трибунал принял то решение, которое должен был принять. Однако политики из «Права и справедливости» и президент Анджей Дуда следовать этим решениям не собираются. (...) Что будет дальше? Судьи, избранные Сеймом предыдущего созыва, не могут участвовать в осуществлении правосудия, поскольку не принесли присягу. Судьи же, избранные нынешним Сеймом, также этого не могут, поскольку не ясен их юридический статус. (...) Решить, кто из них был (и были ли такие) избран правоммерно, и лишить полномочий тех, кто избран с нарушением закона, может лишь Общее собрание судей Конституционного трибунала (внутренний орган управления трибунала)». (Эва Седлецкая, «Газета wyborcza», 10 дек.)
- «В результате конституционного кризиса принцип верховенства Сейма по отношению к другим органам власти превратился в фундаментальный элемент общественного устройства. (...) “В нашей правовой реальности решения, принимаемые Сеймом, обязательны. Это решения, принятые высшим органом законодательной власти, избранным народом”, — вторил вчера Корнелю Моравецкому президент Анджей Дуда». (Збигнев Парафянович, «Дзенник газета правна», 10 дек.)
- По мнению 55% поляков, действия «Права и справедливости» в ситуации с Конституционным трибуналом угрожают демократии. Противоположного мнения на этот счет придерживаются 24% респондентов, а 21% не определились со своей точкой зрения по данному вопросу. Опрос исследовательского центра SW Research. («Ньюсуик Польска», 7-13 дек.)
- «По данным опроса, проведенного Институтом рыночных и общественных исследований 27-28 ноября, 55% поляков согласны с утверждением, что демократия в нашей стране находится под угрозой. При этом 28% в этом «совершенно уверены», а 27% считают, что «это скорее всего так». Противоположного мнения придерживаются почти 35% опрошенных. (...) Наибольшее количество пессимистов проживает в самых крупных городах — там об угрозе для демократии говорят 70% респондентов. Однако безрадостным настроениям подвержены и жители сельской местности (52%). Самыми большими оптимистами являются жители средних по величине городов с количеством жителей от 50 до 250 тысяч. 51% из них не видит никакой угрозы для демократии в Польше». (Анджей Станкевич, «Жечпосполита», 30 нояб.)
- «В субботу группа Комитета защиты демократии (КЗД) на фейсбуке насчитывала 3,5 тыс. пользователей. В воскресенье вечером их было уже свыше 25 тысяч». «Такая спонтанная активность в интернете стала реакцией на итоги первой недели пребывания у власти партии «Право и справедливость». (...) КЗД был основан 47-летним программистом Матеушем Киёвским, который ранее не принимал участия в политической деятельности. «Поведение власти, ее пренебрежительное отношение к законам и демократическим традициям вынуждают нас заявить о своем решительном протесте. (...) Среди нас есть люди разных воззрений и политических симпатий, верующие, агностики и атеисты. Объединяет нас то, что мы считаем себя свободными людьми и хотим, чтобы в нашей стране никто не указывал нам, как нам жить», — говорится в манифесте КЗД». (Мацей Орловский, «Газета wyborcza», 23 нояб.)
- «Раздается голос поколения, в котором много хорошо образованных людей, в основном 30-летних. (...) Они не могут взять в толк, с какой стати ими руководят политики, которые явно проигрывают им в эрудиции и интеллекте. Это вызывает у них возмущение». (Каролина Вигура, «Тыгодник повшехны», 8 нояб.)
- «Думаю, в ближайшем будущем Комитету защиты демократии не стоит ждать хороших новостей. Сомневаюсь, что такие ценности, как законность, беспристрастность судей или лояльность по отношению к Европе, будут у нас высоко котируются. (...) «Закон должен служить нам. Закон, который не служит народу — это беззаконие!», — этим словам Корнеля Моравецкого, который он произнес в Сейме, стоя рукоплескали депутаты правых партий, но я подозреваю, что значительная часть этого самого народа — совершенно не задумываясь, что значит «закон должен служить нам», и кто решает, в чем заключается «благо народа» — также аплодировала бы им стоя. (...) Не знаю, удастся ли активистам КЗД убедить общество в своей правоте. (...) Если все же КЗД поставил нам правильный диагноз, ему не нужно будет убеждать общество — оно во всем убедится само», — о. Адам Бонецкий. («Тыгодник повшехны», 6 дек.)
- Ок. 50 тыс. человек (по данным городских властей) насчитывала субботняя манифестация в защиту демократии и конституции, организованная КЗД в Варшаве. В марше участвовали лидер КЗД Матеуш Киёвский, лидеры оппозиционных партий, а также о. Войцех Леманский. Аналогичные демонстрации прошли в Познани, Вроцлаве, Гданьске, Торуне, Щецине, Люблине и Бельско-Бялой. В них приняли участие по несколько тысяч демонстрантов. Ответом «Права и справедливости» стал марш в поддержку правительства и президента. Сторонников ПИСа свозили на автобусах со всей Польши — по данным из разных источников,

проправительственных манифестантов было от 15 (данные городских властей) до 80 тысяч. Председатель ПИС Ярослав Качинский выступал дважды. О тех, кто «сопротивляется большим переменам» он сказал, что «им хотелось бы по-прежнему грабить эту страну», а ту часть общества, которая не разделяет взглядов «Права и справедливости», Качинский назвал «поляками наихудшего сорта». (по материалам «Польски», «Жечпосполитой», «Газеты wyborчей» и «Газеты Польска цодзенне» от 14 дек., а также программ Польского радио от 12 и 13 дек.)

- «Наша демократия выглядит так же, как наш парламент. В ней доминируют две недемократические, олигархические партии с авторитарным стилем управления. Это создает недемократический климат в стране. Хотя на самом-то деле — сколько там у них членов? 30 тысяч? 40? Отражает ли это настроения нашего общества? Какая у этих партий репрезентативность? (...) Наша политика и наша демократия сводятся к тому, чтобы возбуждать ненависть к противоположной стороне. (...) У нас только два настоящих политика — Туск и Качинский. И всё. Эти двое не оставили место ни для кого другого. И это очень опасно. Кто возьмет ответственность за страну?», — проф. Павел Спевак. («Дзенник газета правна», 27-29 нояб.)

- «Туск замкнул на себя всю власть ради нее самой. (...) Качинский делает то же самое, но только для того, чтобы добиться реальных перемен в стране. (...) Туск считал, что государство, будучи таким, каким оно есть, способно удовлетворить текущие нужды, связанные с управлением Польшей, (...) а также сделает возможным распределение европейских фондов, что уже само по себе продвинет Польшу вперед. Качинский же (...) хочет изменить Польшу. (...) Он считает, что изменит ее к лучшему — и пока не отдает себе отчета в том, что сеет вокруг только хаос. (...) В действительности он сам не очень-то знает, какую страну в результате хочет увидеть. Он мечтает сделать Польшу сильной, независимой, более самостоятельной — но совершенно непонятно, где концепция, способная все это обеспечить», — Людвик Дорн, бывший маршал Сейма и министр внутренних дел и управления. («Польска», 11-13 дек.)

- Поддержка партий: «Право и справедливость» — 30%, «Современная» (Рышард Петру) — 25%, «Гражданская платформа» — 15%, Коалиция левых сил — 7%, крестьянская партия ПСЛ — 6%, Кукиз'15 — 5%, КОРВИН («Коалиция обновления республики – вольность и надежда») — 5%. Опрос Института рыночных и общественных исследований, 11-12 декабря. («Жечпосполита», 14 дек.)

- «После выборов, которые выиграла партия «Право и справедливость», в радиопрограммах и телепередачах, а также на страницах газет стали появляться новые персонажи. Одновременно стал меняться язык и характер политических высказываний. Также появилось другое мировоззрение, другие идеи относительно будущего Польши и ее роли на мировой арене, относительно нашей жизни. Резкость и головокружительный темп этих перемен, гармонируя со стилем принятия решений партией «Право и справедливость», удивили многих журналистов. (...) Вот уже несколько месяцев мы наблюдаем растерянность и даже бессилие представителей влиятельнейших польских масс-медиа. В самом деле, как вести себя с гостями теле- и радиостудий, демонстрирующими свои иррациональные, агрессивные, антидемократические либо дискриминационные взгляды?». (Паулина Вильк, «Тыгодник повсехны», 29 нояб.)

- «Премьер-министр Беата Шидло — уже не первый польский политик, которому не нравится соседство флагов ЕС с польскими национальными флагами. Так, президент Чехии Вацлав Клаус однажды заявил, что флаг ЕС не будет развеиваться над Градчанами, пока он руководит страной. Виктор Орбан (...) выступает на фоне гобелена из венгерских национальных флагов. А несколько дней назад президент Дуда, принципиально не встающий во время исполнения гимна ЕС, распорядился убрать в шкаф находящиеся в Бельведерском дворце флаги Евросоюза». (Павел Вронский, «Газета wyborча», 26 нояб.)

- «Мы сейчас в кабинете премьера — и вы видите, что флаг ЕС никуда не делся. Флаг Евросоюза также продолжает висеть на здании Канцелярии премьер-министра, в зале заседаний правительства. (...) Я являюсь премьер-министром польского правительства и на пресс-конференциях хочу выступать на фоне бело-красного флага, который считаю самым прекрасным в мире», — премьер-министр Польши Беата Шидло. («Жечпосполита», 27 нояб.)

- «Президент Анджей Дуда признает Орден возрождения Польши, хотя и не стал создавать наградной комиссии. Ее бывшие члены говорят о снижении авторитета этой награды». («Жечпосполита», 30 нояб.)

- «Правительство, сформированное «Правом и справедливостью», закрыло интернет-страницы с отчетом комиссии Ежи Миллера по вопросам причин смоленской катастрофы и всеми наработками команды Мацея Ласека, председателя Государственной комиссии расследования авиакатастроф». (Ярослав Курский, «Газета wyborча», 26 нояб.)

- «По распоряжению министра национальной обороны Антония Мацеревича во вчерашних мероприятиях памяти жертв смоленской катастрофы, проходящих 10-го числа каждого месяца, участвовал почетный военный караул. Возле портрета Марии и Леха Качинских, выставленного перед президентским дворцом, стояли на посту солдаты. Теперь так будет каждый месяц». (Себастьян Клаузинский, «Газета wyborча», 11 дек.)

- «Вице-премьер и министр культуры Петр Глинский вместе с представителями епископата огласил 27 ноября в Королевском замке в Варшаве программу празднования 1050-летия крещения Польши. (...) Кроме мероприятий религиозного характера, в программе, бюджет которой составляет 6 млн злотых, также много культурно-образовательных мероприятий». (Иоанна Самолык, «Политика», 2-8 дек.)

- «На присяге правительства в президентском дворце присутствовали представители католической церкви: о. Тадеуш Рыдзык, епископ Антоний Дыдыч и глава польского Епископата, архиепископ Станислав Гондецкий. Представители конфессий приглашены не были». (Катажина Вишневская, «Газета wyborcza», 4 дек.)
- «На субботние торжества, посвященные 24-му юбилею радио «Мария», в Торунь приехали как церковные иерархи, так и представители правительства. Прибыло немало министров (...) и парламентариев. Председатель «Права и справедливости» Ярослав Качинский лично поблагодарил учредителей и сотрудников радио за их многолетнюю работу: «Без вас, отец директор, мы бы не победили. (...) Эта победа подтверждает еще одну истину — фундаментом всего польского является католическая Церковь, и не может быть Польши без Церкви». (Иоанна Мацеевская, «Польска», 7 дек.)
- «Государство дотирует католическое образование: мы финансируем Папскую академию теологии в Кракове, Люблинский католический университет, Христианскую богословскую академию в Варшаве, а также девять теологических факультетов в других университетах. Государство также оплачивает обучение и проведение Церковью занятий в государственных школах и детских садах, дотирует католические интернаты, больницы и сиротские приюты. (...) Гмины охотно снимают с себя бремя дорогостоящих обязанностей по обеспечению школ, детских садов и т. д., передавая эти учреждения Церкви, которая отлично умеет получать от государства деньги на свою деятельность. (...) Сегодня мы наблюдаем, как важные ресурсы, а также полномочия государства переходят в руки Церкви. (...) Церковь постепенно заполняет страну со слабыми государственными институтами тысячами верных себе людей, которых она опекает, воспитывает и учит, а затем обеспечивает им карьеру на различных предприятиях. Это целая армия, которая сегодня добивается еще более сильного сращивания государственных структур с Церковью», — Збигнев Щенсны. («Жечпосполита», 3 нояб.)
- «В Польше в прошлом году действовало 885 благотворительных организаций католической Церкви (...), говорится в отчете Института статистики католической Церкви. (...) Помощью Церкви воспользовались около 8 млн человек. (...) В рамках своей благотворительной деятельности Церковь заключила трудовые договоры с 33 тыс. человек. Для Церкви также работают 88 тыс. волонтеров. (...) Источники денежных средств: 24% — поступления от органов местного самоуправления, 23% — дары и пожертвования, 14% — налоговые отчисления. Другие источники — государственные пожертвования, хозяйственная деятельность и европейские фонды». («Газета wyborcza», 4 дек.)
- «Премьере «Смерти и девушки» Эльфриды Елинек предшествовал пикет «Крестового похода святого Розария», поддержанный националистами, которые не пускали зрителей в театр «Польски» во Вроцлаве. Пришлось вмешаться полиции». (Яцек Цесляк). «Премьера «Смерти и девушки» закончилась овацией, во время которой зрительный зал встал, билеты проданы до конца года, но атмосфера по-прежнему неспокойна. (...) Лидер партии «Современная», депутат Рышард Петру пообещал, что пригласит на представление вице-премьера и министра культуры Петра Глинского, так как последний потребовал предоставить ему фотографии сцен спектакля еще за неделю до премьеры». («Жечпосполита», 23 нояб.)
- «Фотовыставка с изображениями Тадеуша Мазовецкого и других политиков, с которыми он работал, вызвала такую волну агрессии, что экспозицию сняли на неделю раньше». «Выставка под названием «Чего только не было с нами!» состоит из 30 табличек с фотографиями, выполненными Здиславом Вальчуком. В 80-е годы он принимал участие в выпуске и распространении подпольных изданий. Член Ассоциации свободного слова. (...) Последнюю выставку он посвятил первому премьер-министру III Речи Посполитой Тадеушу Мазовецкому и другим политикам, которых назвал создателями и героями «Солидарности»». (Томаш Ужиковский, Ежи С. Маевский, «Газета wyborcza», 25 нояб.)
- «Польша, какой она стала после 1989 года, была детищем Чеслава Кищака (бывший министр внутренних дел ПНР и «правая рука» генерала Войцеха Ярузельского). III Речь Посполитая появилась согласно плану, дотошно разработанного Кищаком. (...) В результате реализации этого плана должно было возникнуть квазидемократическое государство, где коммунисты разделили бы ответственность за управление Польшей с оппозицией. Союзниками Кищака оказалась часть элиты движения «Солидарность» во главе с Яцеком Куроном и Адамом Михником, начинавшая свою деятельность еще в Комитете по защите рабочих. (...) Кищак привлек к осуществлению своего плана также представителей Церкви, умело маскируя свои истинные цели заботой о Польше. (...) Кищак организовал самый настоящий политический спектакль во время Круглого стола, вошедшего в историю как один из лучших образцов демократии. (...) Его политический план был обычным мошенничеством, жертвами которой стали оппозиция и миллионы поляков». (Лешек Петшак, «Уважаю же историю», дек. 2015)
- «Я отвечу как историк. Поляки — дезориентированы. Они оказались податливы на разного рода сказки и демагогию, слишком легко поверили всякому вздору, используемому как орудие в политической борьбе. Посмотрите, что сделали с Круглым столом. Миллионы поляков позволили внушить себе, что это был заговор. Никаких доказательств этому нет, зато последствия ужасны, поскольку миф о заговоре лишает власть какой-либо демократической легитимности. Просто отказывает ей во всяком уважении», — Норман Дарисес. («Ньюсуик история», 12/2015)
- «За последние десять лет выросло количество поляков, утверждающих, что они не прочитали за год ни одной книги. Почти 60% взрослых поляков не читает книг. Количество тех, кто активно читает книги, уменьшилось за

- это время вдвое, и в настоящее время составляет 10% взрослых поляков». (Михал Болтрык, «Пшеглэнд православный», дек. 2015)
- «Субботним утром 14 ноября, сразу после серии терактов в Париже, живущие в Лиманове цыгане увидели надписи: «Вон из Польши, ублюдки», «Ждите расправы», «Польша для поляков». И это еще самые невинные лозунги. В некоторых призывах к насилию фигурировали фамилии конкретных семей. Злоумышленники уничтожили несколько цыганских автомобилей. (...) Кто-то развесил плакаты: «Нет исламскому району в нашем городе». Магистрат Лимановы распорядился закрасить надписи, однако плакаты остались». (Бартоломей Курась, «Газета wyborcza», 23 нояб.)
  - «В центре Вроцлава активисты Национально-радикального лагеря сожгли чучело еврея, держащего в руке флаг ЕС. Полиция не вмешивалась. Национально-радикальный лагерь обещал, что на этом не остановится». «Представитель Союза религиозных еврейских общин Республики Польша Александр Глейхгевихт попросил о срочной встрече с комендантом городской полиции Вроцлава, заявив: “Возникла ситуация, когда терпимость и политкорректность проявляются по отношению к врагам политкорректности, а это недопустимо. Из-за бездействия полиции мы чувствуем себя в опасности”». (Яцек Харлукович, Матеуш Чмель, «Газета wyborcza», 20 нояб.)
  - «Сейчас в Израиле находится группа охранников из фирмы «City Security», которые будут помогать израильским спецслужбам. (...) Решение о визите польских охранников принял владелец фирмы «City Security» Бениамин Красицкий, направивший в Израиль охранников-добровольцев. (...) Красицкий объявил, что готов возместить все расходы, связанные с поездкой своих сотрудников и не просит для себя вознаграждения за их труд. По его оценкам, вся операция будет стоить ок. 700 тыс. долларов. (...) «Мы, жители Польши, в прошлом часто становились свидетелями агрессии в отношении евреев, — написал Красицкий израильскому министру по вопросам безопасности. И мы хорошо знаем: тот, кто нападает на евреев, впоследствии атакует нас». (...) Его бабушка, Роза Собанская, во время Второй мировой войны укрывала евреев в своем имении в Гузове в окрестностях Жирардова». (Марек Козубаль, Збигнев Лентович, «Жечпосполита», 11 дек.)
  - «Отношение поляков к чужакам ухудшается с каждым месяцем. Когда ЦИОМ в сентябре проводил опрос относительно приема беженцев, 38% респондентов заявили, что мы не должны этого делать, 56% ничего не имели против присутствия беженцев в Польше, но только до того момента, пока в странах, откуда прибыли приезжие, не закончатся конфликты. (...) Еще в мае тех, кто принял бы беженцев, было на 16% больше. Тех же, кто не желал видеть их у себя в стране — на 17% меньше». (Анна Виттенберг, «Дзенник газета правна», 17 нояб.)
  - «Польские гмины объявили о приеме 435 беженцев, в том числе 113 семей, 212 детей и 27 одиночек. (...) Не решилась пригласить беженцев ни одна гмина из Подкарпатья и Люблинского воеводства. Это серьезно подрывает имидж Польши, которая обязалась принять почти 7 тыс. беженцев из Сирии и Египта в течение двух лет. Первая группа из 900 человек прибудет из лагеря для беженцев в Ливане уже через несколько месяцев». (Изабела Кацпшак, «Жечпосполита», 23 нояб.)
  - До настоящего времени «1 545 человек в Польше получили статус беженца и вид на жительство, легализующий их пребывание в нашей стране. Вместе с лицами, пользующимися другими формами международной защиты (дополнительная охрана и разрешение на допустимое пребывание), их насчитывается 5 861 человек. По количеству лиц, ищущих у нас международную защиту, мы находимся на 13-14 местах среди стран Евросоюза (сведения предоставлены Управлением по делам иностранцев по состоянию на 1 июля 2015 года)». («Тыгодник повшехны», 22 нояб.)
  - «Помощь беженцам в их интеграции в Польше ограничивается у нас годичным пособием. Риск в любой момент оказаться на улице, плохие жилищные условия, недружелюбный рынок труда, а также языковой и культурный барьер — эти проблемы беженцев в Польше Национальная контрольная палата считает основными. Государство не делает практически ничего, чтобы как-то справиться с ними, несмотря на имеющиеся международные обязательства. Ничего удивительного, что люди, получившие статус беженца в Польше, стремятся перебраться в другие европейские страны, где помощь беженцам существует на самом деле». (Эва Седлецкая, 13 нояб.)
  - «Пограничники задержали почти сотню беженцев, которых поляки пытались перевезти через границу с Германией. За каждого человека такие перевозчики берут 3 тысячи евро. Для перевозки арендуются микроавтобусы. Фирма по прокату автомобилей выяснила, что один из микроавтобусов проехал целых 5 тыс. километров». («Газета wyborcza», 17 нояб.)
  - «Для видеонаблюдения на восточной границе — от Калининградской области до Бещад — закуплено самое современное оборудование стоимостью 100 млн злотых. Основная часть этой суммы перечислена Фондом внешних границ ЕС. (...) По распоряжению Главного коменданта пограничной службы также создана специальная оперативно-разведывательная группа (...) для борьбы с международными бандами, занимающимися переброской людей через границу. (...) Правительство также намерено возродить ликвидированный два года назад Карпатский отряд Пограничной службы на границе со Словакией». (Изабела Кацпшак, Гражина Завадка, «Жечпосполита», 7 дек.)
  - «С января до 20 сентября 452 иностранцам (в том числе 202 гражданам Сирии) отказано во въезде на территорию Республики Польша в целях охраны безопасности страны и общественного порядка. (...) С 2011 г. по

настоящее время Пограничная служба депортировала либо обратилась за решением о депортации 597 человек. (...) Вчера в Варшаве Агентство внутренней безопасности задержало по обвинению в террористической деятельности на территории Исламского государства 23-летнего поляка, последние 7 лет проживающего в Норвегии». (Изабела Кацпшак, Гражина Завадка, «Жечпосполита», 16 нояб.)

• «От своего лица и от лица всех польских мусульман, разделяющих мои мысли и чувства, хочу выразить глубокую обеспокоенность будущим Европы, а также мои искренние соболезнования руководству Французской Республики и семьям погибших 13 ноября в Париже. Тех, кто убивал, тоже необходимо убить, а зло — исламский фашизм — истребить на корню. Да здравствуют идеалы свободы, равенства и братства! Сегодня все мы — французы. (...) Я — поляк, татаро-поляк, и полностью отождествляю себя с Польшей и ее национальными интересами. Я также считаю себя европейцем, духовно связанным с европейской традицией. И лишь потом мусульманином, это мое личное дело. Взгляды большинства польских новообращенных мусульман, а также живущих в Польше арабов мне, как поляку, татарину, мусульманину, совершенно чужды», — Селим Хазбиевич, профессор Варминско-Мазурского университета, один из основателей Союза татар Республики Польша (РП), бывший имам мусульманской гмины в Гданьске. («Газета wyborcza», 19 нояб.)

• «Самой большой группой мусульман в нашей стране до 80-х годов прошлого века были татары. (...) Сегодня они, наоборот, составляют меньшинство — их в Польше менее 3 тыс. человек. (...) К появившемуся в период между двумя мировыми войнами Мусульманскому религиозному союзу в РП недавно присоединилась Мусульманская лига в РП, объединяющая в основном иммигрантов. (...) К татарам, а также примерно 10 тысячам иммигрантов примыкает третья группа — польские новообращенные мусульмане. Их несколько сотен, среди них — группа из полуторадесятка сторонников строгой интерпретации Корана. (...) Лица, исповедующие ислам, сегодня составляют менее одной десятой процента населения Польши». («Тыгодник повсехны», 13 дек.)

• «Демонстрация познаньских мусульман — это их реакция на теракты в Париже. Участники демонстрации хотели тем самым подчеркнуть, что Исламское государство не является представителем их религии. Мусульман поддерживали и другие жители Познани. По данным полиции, в демонстрации участвовали около 300 человек. (...) Мэр Познани Яцек Яськовяк тоже пришел на демонстрацию мусульман. “Не поддадимся на манипуляции тех, кто заявляет, что за ними стоит Бог. Нужно отличать людей, исповедующих религию, от тех, кто злоупотребляет религиозными чувствами”, — заявил Яськовяк. Он в очередной раз выступил в защиту беженцев с Ближнего Востока. Мэр Познани считает, что Польша обязана их принять. “Иисус был беженцем”, — подчеркнул мэр. Яськовяк также поблагодарил мусульман, участвующих в демонстрации, за их храбрость. “Я знаю, что вас запугивали”, — сказал он». (Петр Житницкий, Томаш Нычка, Иоанна Лесьневская, «Газета wyborcza», 30 нояб.)